

Веселиса

Артефакт

18+

Веселиса
Артефакт

«Автор»

2026

Веселиса

Артефакт / Веселиса — «Автор», 2026

Закаленная правительственная агентка Лорелей отправляется в «Изнанку» – скрытое измерение, с которым правительство заключило хрупкий договор. Её задача: выяснить, не нарушают ли мифические существа условия соглашения. Лишенная оружия и имплантированная контролирующим чипом, Лорелей попадает не в поле боя, а в череду изощренных психологических испытаний.

© Веселиса, 2026

© Автор, 2026

Веселиса Артефакт

Введение

Этот день с самого начала отличался от других. Военная служба приучила её к порядку, а работа на правительство — к непредсказуемости. Но такие встречи были редкостью. Если быть точным, сегодняшняя — первая.

Тошнота подступила тихо, как привычный, но навязчивый гость. Лорелей поморщилась, невольно прижимая ладонь к низу живота — движение было рефлекторным, почти неосознанным. «Просто нужно лучше питаться», — привычно подумала она, хотя в глубине души уже несколько недель бродило смутное, не дающее покоя подозрение. Она списывала это на хроническую усталость, на бесконечные перегрузки, на бессонные ночи. Но тело помнило лучше.

Она стояла у крыльца дома, ожидая автомобиль. Никогда не предупреждали заранее, всё было сюрпризом. Радовало одно: рядом будет начальник, с которым она знакома давно, это придавало уверенности. Хотя бы отчасти.

Чёрная машина с полностью тонированными окнами остановилась рядом. Из неё вышел мужчина, сильно превосходящий её по габаритам. Он был в чёрном — строгий костюм и очки. Выглядывающая из-под одежды кожа казалась ещё бледнее, чем на самом деле, из-за контраста.

Мужчина открыл дверь, что успокоило девушку: руки так тряслись, что казалось, она не справится даже с дверной ручкой.

— Доброе утро, — голос её был наигранно строгим и уверенным, и всё же едва-едва заметно дрогнул.

Ответа не последовало: за ней закрылась дверь, мужчина сел на переднее сиденье, и машина тронулась.

Девушка и не рассчитывала на разговор, хотя у неё было много вопросов. Она понимала, что ответят лишь на месте, другие люди, если вообще ответят.

На улице был горящий сентябрь. Многие деревья уже озаряли улицы ярко-красными и оранжевыми листьями, ещё не торопившимися упасть. Чтобы отвлечься, девушка наблюдала через окно на пролетающую рядом жизнь, но тонировка съедала большую часть красоты. Мимо мелькали дома и спешащие на работу люди, шумные дороги и множество машин. Это наверно скучно, жить в темпе города, ежедневно шагая в душные офисы и проводя там по восемь часов, запиная монотонную работу ужасным кофе.

Хотя иногда девушка мечтала о подобном: бесконечное беспокойство приходилось маскировать металлически-серой непоколебимостью, которую требовала её работа, это выматывало. И всё же это и была её жизнь, к которой её готовили с детства, не позволяя даже прикоснуться к чужой обыденности.

За окном перестали мелькать дома, только густой лес. Машина остановилась перед шлагбаумом, находящимся между железной шипованной оградой, расстилающейся вправо и влево бесконечно далеко — она не видела, где она заканчивается. Впрочем, ехать было ещё долго, территория за оградой оказалась огромной.

Девушка не заметила, как машина остановилась и перед ней открыли дверь. Как только она вышла, услышала знакомый голос:

— Лорелей!

Она поморщилась, услышав своё имя. Никогда раньше на службе её так не называли, всех сотрудников, чьё участие предполагало действия в «серой зоне», нарекали Агентами или Офицерами — внятной должности никто из них никогда не занимал. Вот и она, привыкшая слышать обращение «Агент», не могла не отреагировать на своё имя, которое в дополнение к

неожиданности вызывало у неё отвращение. В стране, где обычные имена звучат иначе, её имя было «не таким, как у всех». По мере взросления не было ни дня, чтобы ей не напомнили о её «отличии», и, как правило, не в самой лестной форме.

— Босс! — она едва заметно улыбнулась, по-свойски обратившись к своему прямому начальнику — единственное знакомое лицо, чьё присутствие могло успокоить.

— Нам нужно подняться на самый верх, там будет много служак, не пугайся. Люди «в чёрном», белые халаты и каменные лица, — после привычного рукопожатия «босс» по-отцовски похлопал Лорелей по плечу, чуть заметно улыбнулся и развернулся ко входу, жестом приглашая её вперёд.

Глубокий вдох: здание не меньше сложившейся ситуации вызывало беспокойство. Высокие каменные стены, выкрашенные когда-то давно: краска почти полностью слезла. Решётки на окнах, чем-то закрытых изнутри. Неужели там совсем нет солнечного света?

Лорелей и её начальник вошли в здание. Внутри их ожидал металлодетектор и пара охранников. Она вытащила телефон, ключи, сняла кобуру и ремень, но дальше металлоискателя её не пустили.

— Пройдите за эту дверь, — сухой, лишённый каких-либо эмоций голос охранника. Он указал на дверь рядом, справа от себя.

Девушка кивнула и прошла за дверь. За ней оказался ещё один охранник.

— Раздевайтесь до белья, вещи — на стул, — он указал на стул, стоящий посередине небольшого помещения. Свет здесь был отвратительный. Яркий и холодный, слепящий глаза.

— Зачем?

— Процедура, — его тон не допускал возражений. В нём не было ни злобы, ни интереса — только отработанная до автоматизма функция.

Играй по их правилам. Просто играй.

Она, стараясь не смотреть на него, торопливо сняла куртку, ботинки, брюки и водолазку, оставшись в нижнем белье и носках. По коже побежали мурашки — от холода и от чувства уязвимости.

Охранник взял со стула её одежду, бегло ощупал швы, простучал подошвы ботинок. Затем включил ручной металлоискатель.

— Руки в стороны.

Щуп холодно прошёлся по её ногам, рукам, вдоль позвоночника. Запищал у застёжки бюстгальтера. Лорелей замерла.

— Снимите.

Она молча расстегнула его, закрывая грудь одной рукой. Охранник щупом отодвинул ткань, проверил сам крючок. Аппарат молчал.

— Можете надеть.

Девушка с облегчением натянула его вновь.

Но он не закончил. Щуп опустился ниже, скользнул по внешней стороне бёдер, внутренней. Лорелей сглотнула, глядя в стену, стараясь дышать ровно. Аппарат снова молчал.

— Повернитесь ко мне спиной.

Ледяные пальцы в тонких перчатках прикоснулись к её коже, спустили лямки бюстгальтера. Затем те же пальцы, безразличные и методичные, прошли по спине, ощупали под бюстгальтером, скользнули по бокам, проверяя линию рёбер. Она сжала зубы, чувствуя, как по телу бегут спазмы от холода и отвращения. Его прикосновения были быстрыми и профессиональными, но от этого не менее унижительными.

— Можете одеваться.

Она расслабленно выдохнула, чего сама от себя не ждала. Дрожащими руками начала натягивать одежду, стараясь делать это как можно быстрее.

Поспешно выходя из помещения досмотра, девушка оглядела весь холл. Начальника не увидела, но отметила для себя, что в этом помещении свет был приглушён и не так слепил и раздражал, как в той комнате, из которой она только что выбралась.

— Ожидайте, — холодно проговорил один из охранников, который уже встречал её на входе.

Впрочем, долго ждать не пришлось, начальник вышел из помещения напротив и махнул ей рукой.

— Пойдём, — голос его был раздражён, он, видимо, тоже не испытывал восторга от таких досмотров.

Их сопровождала охрана: вместе с охраной они поднимались в лифте. Тут всего три или четыре этажа, есть ли такая необходимость в лифтах?

— Ранее утро, а вы уже здесь? — на них обернулся мужчина в брюках и рубашке с галстуком, филигранно вскинув руками он тут же, с наигранной, но ярчайшей улыбкой, бросился здороваться с начальником Лорелей. Он же в свою очередь был сдержан: девушка поняла — это кто-то из вышестоящих.

— Агент... — мужчина запнулся, — это Лорелей, одна из лучших мною подготовленных агентов.

Рубашка с галстуком оценивающе осмотрел девушку, под его взглядом ей становилось не по себе. Он оценивал явно не её красоту, а нечто иное — физическую готовность, выправку.

— Лорелей, какое интересное имя, — мужчина со странной улыбкой взял её руку, накрыв своими ладонями и немного её потряс. Сам не представился.

Лорелей молчала. Знала наверняка: здесь ей рот открывать не положено. Только слушать и выполнять.

— Ты уверен? — мужчина обратился к начальнику девушки, чуть наклонившись к его уху, — она кажется слишком молода, и... Это всё-таки девушка.

— Она положит на лопатки десять мужчин в одиночку, а её молодость уже несколько лет поддерживает здоровый образ жизни.

Щёки Лорелей залились краской. Какой бы ни была её жизнь и какими бы ценностями ни наделило её воспитание, ни одна представительница прекрасного пола не любит упоминания о своём возрасте. Тем более, когда внутренние ритмы давно сбились, а она всё ещё пытается убедить себя, что это просто стресс.

— Что ж, я вам доверяю, — мужчина жестом пригласил их вглубь кабинета. Посередине стояло медицинское кресло, вокруг суетились люди в белых халатах, у каждого угла кабинета и у дверей стояла охрана, — присаживайся, милашка.

Лорелей не могла терпеть фамильярности, но сейчас была не в том положении, чтобы реагировать на подобные вещи.

— А это — для чего? — она кивнула на ремни на подлокотниках.

— Для твоей безопасности, — снова мерзкая, наигранная улыбка.

Девушка села в кресло. Двое людей в белых халатах молча и эффективно закрепили ремни на её запястьях и лодыжках. Кожа неприятно заняла под тугими ремнями, прижимавшими её к холодной коже кресла.

— Пока мои врачи готовятся, я посвящу тебя в курс дела, — наконец-то его ухмылка немного ослабла, мужчина стал более серьёзен, — мне тяжело будет объяснить тебе все тонкости задания, поскольку у нас совсем мало времени, но мне известно, что часть истории тебе объясняли. Ты ведь знаешь, что такое Изнанка?

Лорелей знала. До сих пор ей снились ночные кошмары после пережитого шока.

— Лорелей, тебе нужно слушать внимательно, если есть какие-то вопросы, задавай сразу, — девушка сидела, нервно качая ногой, ей объяснили, что от правительства пришло поручение, которым решили обременить её. И это поручение связано с чем-то, что не положено знать

посторонним людям и то, что ей сейчас расскажут: тайна, покрытая мраком, и рассказать её кому-то — всё равно, что писать собственное завещание, — то, что я сейчас расскажу, будет звучать как бред сумасшедшего, но тебе стоит со всей серьёзностью отнестись к этой информации. Никому, кроме тебя, совет не доверяет.

Девушка неуверенно кивнула.

— Наш мир — привычный тебе, состоит из людей разной значимости. Есть обычные люди, те, кто окружают нас в большей степени. Есть правительство, регулирующее жизнь этих простых людей. Иногда случается так, что обычные люди слишком много на себя берут. Это проявляется в разных аспектах, но сейчас важно не это. Их всегда устраняли. Но в век технологий и развития это становилось делать сложнее, не оставляя следов. Никто из них не должен знать, что это дело рук правительства.

Секретные лаборатории нашли надёжный способ ликвидации. Люди «самоустраиваются», подверженные воздействию существ Изнанки.

Лорелей удивлённо вскинула брови, но вмешиваться в монолог не посмела.

— Я поясню — Изнанкой мы называем место, существующее в нашем мире, но надёжно спрятанном от посторонних глаз. Со временем учёные узнали, что существовала она всегда, но вот узнали мы о ней не так давно.

— И что это за Изнанка? О каких существах Вы говорите?

— Это сложно объяснить... Ты ведь наверняка слышала сказки о всяких волшебных существах, наделённых разными способностями. Это... Что-то вроде того. В Изнанке живут эти существа, у них есть своя иерархия, свои правила. Они способны влиять на сознание людей, заставлять их совершать действия, которых сам человек никогда бы не совершил.

— И что они могут?

— Разное... От простого запугивания до... склонения к насилию, суициду и... каннибализму.

Девушка нервно кивнула головой.

— Это отлично. Тогда мне не придётся долго объяснять. Понимаешь, мы с Изнанкой связаны договором. Пока они помогают нам ликвидировать сломавшиеся расходники, — Лорелей поморщилась, она понимала, что под «расходниками» мужчина понимает людей, — мы, взамен, позволяем им приносить в наш мир чуточку хаоса, энергия которого им необходима для выживания. Это было проще для всех — их обнаружение грозило войной, но мы согласились на «компромисс». И всё-таки, сейчас у нас есть подозрения, что Изнанка нарушает наш договор. Мы позволяем приносить в мир хаос, но предварительно согласовывая детали. И сейчас нам кажется, что они немного пренебрегают своими полномочиями. Нам нужен свой человек внутри Изнанки. Который изучил бы их строение. Вернее не так. Мы и без того многое знаем о них — перед миссией ты получишь бестиарий, в котором описаны существа, с которыми тебе придётся столкнуться. И всё-таки, мы не знаем об их планах. Ты должна узнать, действительно ли они занимаются чем-то, о чём не говорят нам.

То есть правительство заключило сделку с враждебной силой, которую не может полностью контролировать, называет эту аморальную систему «компромиссом», а я должна разгрести?

— У тебя слишком красивые глаза, чтобы проявлять столько недоумения, — из мыслей Лорелей вытащил человек в галстуке, — что, из сказанного мной, ты не поняла?

— Я всё поняла, — девушка старалась быть невозмутимой и сдержанной, что, впрочем, ей легко удавалось.

— Умничка. Теперь я объясню, что будет дальше. В Изнанку просто так не попасть. Она существует внутри нашего мира, но надёжно защищена от постороннего вмешательства. В нашем организме есть ген, который не позволяет нам ни видеть, ни проникать на территорию этих существ. Но наши передовые технологии нашли, как решить эту проблему: так мы и

узнали о существовании Изнанки. Тебе введут несколько доз верикатодонта — это вещество, притупляющее действие мешающего нам гена. Не волнуйся, за то время, сколько будет действовать это вещество, твоему здоровью ничего не угрожает. Этот ген некоторым образом влияет на репродуктивную систему, но пока ты находишься в Изнанке, не думаю, что соберёшься заводить детей. Сама инъекция безболезненна, стандартное внутривенное введение вещества. Но ощущения после будут неприятными, тебя будет тошнить, возможна лихорадка и временная дезориентация. Это пройдёт буквально за пару часов. Всё это время ты будешь под наблюдением наших врачей, и если что-то пойдёт не так, тебе помогут.

Лорелей нервно набрала воздух в лёгкие, новая информация всё больше и больше пугала её, но сдавать назад она не собиралась.

— Как только ты придёшь в себя, мы выдадим тебе снаряжение и отправим в дорогу. Учти, пистолеты и прочее оружие ты пронести с собой не сможешь. Изнанка не должна думать, что ты идёшь с угрозой. Но мы слышаны о твоей физической подготовке и думаем, что ты справишься с любыми трудностями, если они возникнут. Так ведь, милашка?

Девушка кивнула. Фамильярность уже не так сильно раздражала: сознание было переполнено новой, пугающей информацией.

Подошедший из-за спины врач заставил Лорелей вздрогнуть от неожиданности. У него в руках был шприц с двадцатью кубиками. Он был полностью заполнен какой-то зелёной жидкостью.

Не вызывает доверия.

Как только зелёную жидкость полностью ввели девушке в вену, её тело на минуту обмякло в кресле.

Как хорошо!

Внутри неё бурлило спокойствие вперемешку с долгожданным расслаблением. Тело будто бы опустили в тёплую, расслабляющую воду.

— Пока стабильна, — Лорелей слышала голос врача как будто через стекло купола, обволакивающее её, — до агонии примерно тридцать секунд, — врач бросил взгляд на наручные часы, всматриваясь в стрелки.

Агония? Какая агония?

Ответа на свой же вопрос долго ей ждать не пришлось: как и озвучил врач, прошло всего тридцать секунд и она начала задыхаться, её тело пронзила дрожь, а после неё она будто бы почувствовала, как препарат, введённый в её вены, протекает внутри её организма, выжигая каждый участок.

Теперь она поняла, зачем нужны ремни: если бы не они, она бы тут же нашла какой-нибудь острый предмет и навредила бы себе.

— Тише, милашка, — к ней подошёл рубашка с галстуком, — это не долго. Побочные эффекты. Ген цепляется за лимбическую систему, пытаясь защитить хозяина. Мозг интерпретирует его подавление как смертельную угрозу. К сожалению, без этого — никак. Сейчас плохо и тебе может казаться, что лучше умереть, но это состояние плавно будет проходить и ты придёшь в норму... — он тоже взглянул на наручные часы, сощурился, — примерно через пятьдесят-пятьдесят пять минут. После этого наступит бессилие. Мы уложим тебя спать, и через час ты будешь как новенькая.

ЧАС?

От злости Лорелей хотела взять медицинские щипцы, лежащие недалеко от кресла, и воткнуть ему в глаз. Но всё, что она могла — предпринимать беспомощные попытки выбраться из хватки ремней.

Она почувствовала, как по её запястьям потекла кровь: до того сильно она пыталась выбраться. Но боли в руках она не чувствовала, всё её тело пронзало что-то, куда страшнее

и хуже. Резкий спазм скрутил низ живота. Инстинктивно она попыталась согнуться, защищая его, но ремни держали намертво.

Сквозь слёзы Лорелей пыталась увидеть хоть какой-то островок спасения, в своём «боссе», во врачах, мельтешавших вокруг, даже в этом мужчине, с невероятно мерзкой ухмылкой. Но они, по большей части, просто стояли и выжидающе смотрели.

Начальник Лорелей был холоден и сдержан, но в какой-то момент не выдержал и отвернулся. Это ранило сильнее, чем холод охранников. Он был единственным, кто хоть изредка видел в ней человека, а не инструмент. И сейчас он сдался.

Девушка уже не слышала ничего, кроме своих криков. Всё смешалось: оглушающая громкость своего голоса, струйки крови, стекающие по её рукам, голоса врачей, обсуждающих что-то, что она уже не могла разобрать, и безучастное, безэмоциональное лицо человека, который пару минут назад называл её «милашкой». Скажи он это сейчас, и если бы на ней не было ремней, она с лёгкостью выплеснула бы свою агрессию, вцепившись ему в глотку.

Дышать было нечем: Лорелей жадно глотала воздух, но в лёгкие он будто бы не поступал. *Да сделайте же что-нибудь!?*

— Придержите её, — сказал один из врачей, подходя к девушке с новым шприцом.

Жидкости в нём было меньше, но Лорелей это не волновало, как только она поняла, что её ждёт новая порция инъекции, она предприняла попытки сопротивляться.

— Пожалуйста... Нет, — от прежней сдержанности и стали в голосе не осталось ничего. Удушье сделало её голос гортанным и глухим, слова — едва различимыми.

— Тебе станет легче, милашка. Помоги нам не оставить иголку в твоей вене, и всё будет хорошо.

После того, как Лорелей вкололи ещё пять кубиков зелёной жидкости, действительно стало легче.

По-прежнему было тяжело дышать. По-прежнему ощущался жар жидкости. По-прежнему тело пробивала дрожь. Но это оказалось на порядок терпимее.

И всё же, как принято у врачей спрашивать о боли пациента по десятибалльной шкале, любой другой человек оценил бы это состояние в десять баллов. Лорелей же, испытав пару минут назад сильнейшую агонию, дала бы сейчас всего пять или шесть.

— Я хочу пить, пожалуйста, — голос стал более различим, но всё ещё звенел хрипотцой.

— Сейчас нельзя, милашка.

— Дайте мне чёртову воду, — Лорелей пыталась кричать, но её голос осип, а сил почти не осталось, потому это прозвучало скорее как «кричащий шёпот».

— Если будешь вести себя хорошо, то как только оправившись, у тебя будет не только вода.

Девушка, вымотанная собственным состоянием, начала проваливаться в бессознательное состояние. Всё вокруг мелькало вспышками: лица, мигающие лампочки, пронзающая боль. Она чувствовала, что сейчас отключится. Так и случилось.

Лорелей открыла глаза. Вокруг неё уже была другая обстановка. Ослепительно белая палата, мягкое и тёплое одеяло, пищавший датчик и снова лица врачей.

— Стабилизируется, — констатировал один из них.

К постели девушки подошёл рубашка с галстуком, наклонился над ней и мерзко улыбнулся.

— Вот видишь, милашка. Всё позади.

— Что это было? — несмотря на то, как плохо себя чувствовала Лорелей некоторое время назад, сейчас она была полна энергии.

— Ты просила воды. Может что-то другое, или другой напиток?

— Что. Это. Было? — произнесла она, отрывая каждое последующее слово от другого, всё ещё чувствуя напряжение и агрессию.

Увидев её состояние, два охранника, стоящие около двери, подошли ближе, но рубашка с галстуком остановил их жестом.

— Тебе нужно поесть. Ты можешь выбрать всё, что тебе захочется и у тебя это будет. Не стесняйся в выборе.

— Я просто хочу воды, — Лорелей поняла, что ответов она не добьётся, но и пользоваться предложенными привилегиями не стала: кто знает, каким путём они добудут «всё, что ей захочется».

Мужчина оставил девушку, вокруг оставались только врачи. Они даже не смотрели на неё, только возились с чем-то в компьютерах и аппаратуре.

Когда Лорелей предприняла попытку встать, её грубо остановили, описав важность её отдыха.

— Давай так, вот твоя вода, — вернувшись, рубашка с галстуком протянул ей стакан, — но ты съешь ещё шоколад, хотя бы немного, — следом была протянута сладость.

— Я не ребёнок, не обязательно так хлопотать, — несмотря на сказанное, повела она себя с точностью противоположно. Злиться не имело смысла. Пытаться сбежать — тоже. Осталось только капризная смиряться.

— Меня не волнует, чего ты хочешь. Меня волнует вопрос выживешь ты, или нет. Тебе нужны углеводы. Ешь.

Лорелей села на кровати и взяла из рук мужчины стакан воды и шоколад. Её скулы напряглись, а пальцы сжимали стакан как спасительный круг.

— В каком смысле, выживу ли?

— Тебе сильно повезло. Те, кто отрубался во время агонии в сознание больше не приходили.

А раньше никто об этом сказать не хотел?

В её голове роилось множество вопросов, отчасти риторически-агрессивных, но осознание, что ответа не будет, останавливало её озвучивать их.

— Что дальше? — воду Лорелей выпила залпом, а потому вопрос прозвучал на глубоком вдохе.

— Какая нетерпеливая. Что ж. Ещё... — мужчина опустил взгляд на наручные часы, — ещё... Ещё десять минут и следующая процедура.

Чего?

Немой вопрос девушки буквально прозвучал в выражении её лица.

— Не беспокойся, боль этой процедуры не сравнима с тем, что было раньше. Ты, закалённая нашей инъекцией, скорее всего даже не почувствуешь. Но это необходимость. Мы вживим тебе блокирующий чип за ушком, — с этими словами он заправил прядь волос девушки за её ухо.

В этот раз Лорелей не постеснялась брезгливо отдёргнуться от его прикосновения.

— Блокирующий? Что он должен блокировать?

— Известно, что существа Изнанки способны тем или иным образом влиять на сознание людей. Если мы отправим тебя туда без защиты, скорее всего, ты пройдёшь все круги ада и умрёшь там. У нас нет цели тебя убить, нам важно, чтобы ты вернулась и принесла нам ценную информацию. Чип будет блокировать их воздействие, они не смогут пробраться в твоё сознание. Но. Чтобы они ничего не заподозрили, мы бы хотели, чтобы ты им подыграла. Делай вид, что всё так, как они хотят.

— А откуда я узнаю, как они хотят?

— Для этого у нас есть бестиарий. Возьмёшь его для ознакомления после чипирования. Там описаны существа Изнанки, то, как они воздействуют и к чему склоняют.

— И через сколько дней мне нужно будет отправиться в Изнанку?

— Через... — снова наручные часы, — через два часа.

Два часа?!

Лорелей попыталась скрыть своё недоумение:

— Эм... А какое снаряжение у меня будет? Что я вообще могу взять с собой?

— Ничего своего ты взять не сможешь. Разве что чистые трусики и коробку сока в дорогу. Ни телефон, ни свой пистолет и прочие игрушки ты не берешь, — мужчина забрал пустой стакан и придвинул упаковку с шоколадом ближе к девушке.

— А что же тогда? — Лорелей послушно взяла упаковку, вскрыв её с неприятным шелестом.

— Как я уже и сказал — чип, это основное что будет у тебя. Вернее, в тебе. Дальше на твоё усмотрение из списка дозволенных предметов, которые мы можем предоставить. Из одежды — берцы, куртки, перчатки и в целом всё, что найдёшь на складе. Не советую брать много — ты едешь не в двухнедельный отпуск и всё это носить придётся на себе. Из еды, к сожалению, ничего. Это некий странный запрет Изнанки, свою еду к ним не проносить. Но могу заверить, те, кто там был, говорят что их еда на порядок лучше нашей. Если будешь послушной девочкой, подыгрывающей их играм, тебя без ужина не оставят, — мужчина похлопал девушку по плечу, задержавшись на пару секунд на плече, мягко сжав. Лорелей закатила глаза и сбросила руку, — но помни, что ты на задании и у тебя есть определённая цель.

— Я не особо понимаю, какая именно задача передо мной стоит. Ну, развеять или укрепить ваши сомнения. Но как? Я что-то конкретное ищу? Или кого-то конкретного?

— Конкретики нет. Есть аномалии в энергетическом балансе, странные «утечки». Мы не знаем, что искать, поэтому ищем всё. Твои глаза и уши — наш главный инструмент, — рубашка с галстуком сказал это так спокойно, будто всё так и должно быть.

Лорелей издала саркастичный смешок.

— Прекрати. Твоя задача — втереться к ним в доверие. Подружиться с каждым из видов существ. Посмотреть, что там да как. Послушать, о чём они говорят. Что знают. Мы думаем, если что-то у них творится, о чём не знаем мы, где-то обязательно проскочит информация.

— Как мне втереться к ним в доверие? Это же не люди.

— В целом, они не сильно от нас отличаются. Живут свою жизнь, просто со своими особенностями. Потешить нарциссизм Вампиров, разбудить аппетит Вендиги, приbedнаться перед Сиренами, потрахаться с Суккубами и...

— Подождите... Я не запоминаю. Вамп...

— Милашка, всё это для твоего же удобства расписано в бестиарии, не забегай вперёд раньше времени, — мужчина перебил девушку, торопливо взглянув на часы, — кстати о времени, пора чипироваться.

Лорелей спорить не стала, если она действительно прошла самое страшное, значит небольшой чип за ухом не принесёт столько неприятностей. Да и деваться было некуда. Над ней провели столько манипуляций, вряд ли её так просто отпустят домой.

Рубашка с галстуком привёл девушку в соседнее помещение, снова слепящий белый свет, бетонные стены и белые халаты.

— Присаживайтесь и оттяните левое ухо, — сказал один из них, указывая на кресло.

Лорелей спокойно выдохнула, отметив про себя, что в этот раз кресло без ремней. Она медленно села, всё ещё переживая за дальнейшие манипуляции. Про инъекцию ей сказали: «немного неприятно». Да уж. Немного.

По обе стороны от кресла встали два охранника, невозмутимы и холодны. С левой же стороны подошёл врач. Простоял так с десяток секунд, не двигаясь и держа в руках механический пистолет с чипом на кончике.

— А! — Лорелей поняла, что выполнила только часть указаний, и врач ждал, пока она оттянет ухо.

— Будет совсем немного больно, — он протёр кожу ваткой, пропитанной холодным спиртом.

Совсем немного больно. Очень надеюсь.

Резкий щелчок, горячая кожа и капельки крови, стекающие по шее. Никаких удуший. Никаких пожаров внутривенно. Никаких судорог. Это действительно не сравнится с тем, что Лорелей испытала пару часов назад.

— Я сделаю вам небольшую перевязку, но когда вы приедете в Изнанку — её нужно снять, чтобы не привлекать внимание к чипу. Местные не должны его заметить.

Лорелей кивнула головой, внимательно слушая рекомендацию врача. Она провела ноготками по шее, испачкавшись чем-то горячим и липким. Когда взглянула на пальцы, увидела кровь. Она до того была в состоянии шока, что уже успела забыть: ей только что вживили чип. Ей протянули салфетку, пропитанную антисептиком, и она убрала все следы недавнего вмешательства.

Резко дверь в помещение открылась, в неё влетел какой-то мужчина в форме. Он явно торопился: его выдавала одышка и капельки пота на лице.

— Шеф, у нас проблема, — он сделал паузу между «Шеф» и «у нас проблема», увидев Лорелей на кресле и недоверчиво осмотрев её с головы до ног. Что-то, что он собирался сказать, было внутри слова «проблема», но озвучивать суть при девушке он не стал.

Мужчина в галстук бросил на подчинённого вопросительный взгляд: «Что?». Он всем видом пытался показать, что ему сейчас вовсе не до «проблем». Но запыхавшийся сотрудник не отходил, повиснув на ручке двери, другой рукой удерживаясь за дверной косяк.

— Они, — как-то странно было произнесено это слово, но что бы оно ни значило, рубашка с галстуком тут же запаниковала. Он бросил на Лорелей встревоженный взгляд, который тут же перевёл снова на мужчину в дверном проёме.

Девушка и сама запаниковала: неужели всё идёт не по плану? Кто такие «они», и что они могут сделать?

Пока эти вопросы роились у неё в голове, Лорелей бегло осматривала всех присутствующих в помещении, пытаясь найти ответ хотя бы в одном взгляде. Её сердце заколотилось так, что казалось, бьётся оно в самом горле: щеки порозовели, грудь вздымалась от нервного дыхания.

— Где о... — рубашка с галстуком не успел договорить, как все присутствующие резко закрыли уши руками и опустили на колени. На их лицах прослеживались какие-то изощрённые мучения, будто бы они слышали что-то, травмирующее их изнутри. Ещё мгновение, и девушка увидела стекающие струйки густой крови у каждого: из носа, ушей и глаз.

Сердце застучалось ещё быстрее, но она не находила сил даже подняться с кресла, страх и шок словно сковал её тело.

В дверном проёме, оказавшимся свободным, поскольку запыхавшийся мужчина корчился от боли на полу, стал виден тусклый, голубой свет. За светом буквально выплывала в воздухе некая полупрозрачная, студенистая оболочка. Как только Лорелей её увидела, оболочка приняла человеческий вид: это была самая красивая женщина, которую она когда-либо видела. Пышные, объёмные, волнистые волосы, спадающие на плечи. Острые скулы, о которые, если не аккуратно прикоснуться, казалось возможным порезаться. Пухлые, розовые губки и... Абсолютно белые глаза? Впрочем, когда девушка увидела взгляд нечто, стоящее... нет, плывущее перед ней, глаза обрели радужку и зрачок. И не было красивее цвета в мире, чем её глаза.

— Почему ты меня не слышишь? Я же пою для тебя, — нежный, бархатистый голос девушки, который словно пел, а не говорил, проник в сознание Лорелей и привел за собой сонливость, — закрывай глазки, красавица, — с этими словами женщина едва ощутимо прикоснулась к ресницам Лорелей двумя пальцами и та тут же уснула.

Лорелей находилась в огромном зале замка. Вокруг были цветы, окна до самых потолков, наполняющие пространство вокруг солнечным светом. Над ней пролетали бабочки, сбрасывая с себя блестящую пыльцу, что ещё какое-то время отражала лучи солнца, пока не растворялась в воздухе. Она спала на скамье, мягко обёрнутая в множество одеял.

— Это — она? — существо с вытянутыми острыми ушами стояло рядом с женщиной, которую Лорелей видела раньше.

— Да.

— О её визите нас не предупреждали, — строго отрезало существо.

— Мы почувствовали, что люди снова кого-то готовят. Мы провели её через барьер, а значит — она прошла подготовку. Приказа о сопровождении человека мы не получали, потому подумали, что визит несанкционирован, — женщина, чья внешность была ослепительна, озирала зал нотами своего голоса так, что на него слетались бабочки.

— Так и есть, мы не ждали гостей.

— Что прикажете с ней сделать? Вендиго в последнее время чувствуют голод ярче прежнего.

— Нет, нужно сначала узнать, для чего она тут.

— Но...

— Нет! — от гнева у существа завибрировали длинные уши, — тебе лишь бы убивать. Если нас не устроит цель её визита, можешь сама её съесть. А пока уходи. Пусть отдыхает, у меня много вопросов.

Лорелей же сладко спала, укутанная самыми мягкими одеялами, каких она никогда даже не видела. По её коже пробегал нежнейший ветерок с огромных окон, а бабочки то и дело щекотали её нос, заставляя забавно морщиться.

Прошло много времени до того, как она проснулась.

— Выспалась? — перед ней тут же оказался мужчина с необычной внешностью, ранее разговаривавший с не менее странной девушкой.

Лорелей отпрянула — она не ожидала проснуться здесь, тем более видеть перед собой это существо. Перед тем, как ответить, девушка изумлённо уставилась на мужчину, отмечая необычность его черт: острые длинные уши, проколотые мочки кольцами. Худое узкое лицо, длинные ресницы, непривычно длинные. Белые, почти прозрачные волосы по плечи. Небесно-голубые глаза. Стройный стан, совсем астенический. На нём было длинное не то платье, не то плащ молочного цвета.

— Кто...

— Эльф, — перебил мужчину, предвидя её вопрос, — я думал, тебя посвятили в тонкости нашего мира, отправляя сюда.

— Меня... Не успели посвятить, — неуверенно отвечала девушка. Она сомневалась: как и что говорить? Что может её выдать?

— А с чем тебя хотели к нам отправить? Нас никто не предупредил о твоём визите, — голос его был ровным и натянутым, как струнка. В нём ощущался леденящий холод. Ещё более напрягающим был его взгляд — он не мигая смотрел ей точно в глаза.

— Наверное, не успели... — соврала. Знала, что отсылали в Изнанку разведчиком, надеясь, что она не попадётся на глаза тем, кто должен быть предупрежден.

— Ты не отвечаешь на всё, что я спрашиваю, — спокойный, но хлесткий упрёк. Эльф был возмущён.

— Извините, я... Растеряна. Я не помню как сюда попала. О цели визита мне тоже не успели рассказать. Одна из ваших...

— Это Мирелль. Главная представительница Сирен. Как только мы узнали, что кого-то из вашего мира готовят к посещению, она пришла в ваш мир для переговоров.

Переговоров? То, что она сделала с теми, кто находился рядом со мной в момент её визита как-то не слишком походит на «переговоры».

Озвучивать свои сомнения Лорелей не стала. Она не знала, будет ли это хорошей идеей. Даже скорее сомневалась в этом.

— Так... Ты говоришь, не знаешь, зачем тебя хотели сюда отправить? — уточнил Эльф, всё ещё пристально глядя на девушку.

— Может быть я могу вернуться и узнать? — то, как она попала сюда вызывало сомнение: её не успели снарядить. Не дали бестиария. Может ли она справиться сама. Или стоит вернуться и изменить план?

А живы ли те, кто подвергся влиянию Мирелль?

— Теоретически, можешь. Практически — мы бы не стали отправлять тебя домой, не будь уверены, что ты понимаешь все риски, мы не хотим конфликта с вашей стороной, отправив тебя назад, — Эльф наконец оставил свой пристальный взгляд и стал медленно вышагивать перед Лорелей влево, затем изящно разворачиваясь и уходя в обратную сторону. И так по кругу.

— Какие риски?

— Подготовка людей, направленных в Изнанку проходит достаточно болезненно.

Ещё бы.

— Но и не бесследно. Ваш ген, который мешает попасть к нам, притуплён. То, как люди справляются с этим оставляет след на вашем здоровье до тех пор, пока действие подготовки не окончится. Если ты вернёшься домой до того, как последствия сойдут на нет, твой организм выжжет в тебе функции репродуктивной системы, а также вероятно снова впасть в состояние агонии.

— То есть, мне стоит остаться здесь, пока мой ген не восстановится? — Лорелей была в ужасе. Она не знала всех этих тонкостей раньше. Боялась снова оказаться в том кошмаре, в котором находилась сидя в кресле, обездвиженная ремнями.

— Да, так и есть. Мы не против принять тебя. Но помни, ты — гость, — Эльф многозначительно взглянул на девушку сверху вниз. Этот взгляд был даже не снисходительным, как могло показаться на первый взгляд. Он был словно унижающим.

Лорелей не стала реагировать на это: она понимала, правил игры у неё нет, и что будет, если проиграть — ей не известно.

— И как долго могут эти последствия...

— Около двух лет, — Эльф снова перебил девушку.

Сколько?

Мужчина озвучил этот срок настолько невозмутимо, будто считал секунды. Он заметил, в каком недоумении находилась Лорелей и поспешил её успокоить:

— Без постороннего вмешательства. Ваши люди используют какие-то технологии, чтобы восстановить ген в любой момент. У нас таких технологий нет. И если никто не посетит нас с целью забрать тебя домой, придётся ждать.

Возможно сорванная подготовка станет поводом меня забрать. Босс обязательно отошлёт кого-то за мной. Я не верю, что мне придётся пробыть тут два года.

— Как мне к Вам обращаться? — девушка решила проявить вежливость: она не была уверена, насколько здесь с этим строго.

— Лорелей, мы не обращаемся здесь на «Вы». Это человеческие, непонятные нам издержки. Называй меня просто Драутурэ. Это моё имя.

Девушка неуверенно кивнула головой.

— Вы позволите остаться мне здесь на пару лет? Если за мной не придут?

— Конечно, — Драутурэ произнёс это легко, без тени сарказма, сомнений и, кажется, вполне искренне.

— Но ведь это так долго!

— Девочка, в нашем мире два года — это пустяк. Мы живём гораздо дольше вашего, поэтому твоё пребывание здесь нас не успеет напрячь.

И сколько же они живут?

— Поняла, — девушка задумчиво осмотрелась. Всё вокруг было слишком сказочное, ничего подобного она раньше не видела. Огромная зала, густо освещённая ярким солнечным светом с огромных — от пола до потолка — окон, не сильно отличающихся от арок проходов. Ни одного стекла: а как же в дождь? Ни одной двери: так везде?

И всё-таки, каким бы приятным ни был тут воздух, какими бы красивыми ни были необычные бабочки, летающие вокруг, что-то её напрягало.

Существо, назвавшееся Эльфом с необычным именем, при этом — абсолютно внятной речью. Лорелей была уверена, что разговаривают здесь несколько иначе. Но все слова и обороты речи оказались привычны. Его внешность, вызывающая одновременно восторг и необъяснимый страх. Мелодичный, при этом нежно звучащий голос, пристальный немигающий взгляд, глубина глаз, которую девушка не видела ни у одного человека. Если бы у образной фразы «утонуть в цвете глаз» был бы реальный прототип — это без сомнения тот случай.

— У тебя остались какие-то вопросы? — Драутурэ снова одарил девушку своим вниманием.

— У меня слишком много вопросов. Даже не знаю, с чего начать.

— Тогда... Ты голодна? Можем обсудить это за ужином. Я расскажу всё то, что ты хочешь знать. Во всяком случае то, что я могу тебе рассказать, — в голосе слышались нотки загадочности, что напрягло Лорелей, но она думала только об одном: играй по их правилам.

Глава 1. Незванный гость

Лорелей сидела за огромным столом, на противоположной стороне которого сидел Драутурэ.

— Какие у тебя есть вопросы? — Эльфу подали тарелку, он задал вопрос, не поднимая глаз.

— Э-э-э, — Лорелей впала в ступор. Вопросов действительно было слишком много, и она сомневалась в том, все ли она может задать, — что я должна делать взамен того, что вы позволяете мне остаться здесь?

— Ничего? — Эльф удивлённо взглянул на девушку, подняв брови, — ты абсолютно бесполезна для нас, наш ресурс — наши способности. У тебя никаких способностей нет, — он говорил сухие факты, но прозвучало это обидно для Лорелей. Она почувствовала себя крошечной мышкой, на которую никто никогда не обратит внимания, — можешь находиться здесь, мы выделим тебе покои, ты можешь находиться там, или гулять на территории Соернаториам Лулоабнодезии, — слова, произнесённые Драутурэ резко ввели девушку в недоумение. Она даже не успела понять, что именно он сказал.

— Это наша территория. Территория Эльфов, — увидев реакцию девушки, поспешил пояснить Эльф, — у нас есть несколько территорий. Мы не можем запретить тебе посещать другие — вы, люди, услышав запрет, тут же рвётесь его нарушить. Но для твоей же безопасности, я не советовал бы туда соваться.

Вспомнив сложность восприятия названия территории, у Лорелей возник новый вопрос:

— Почему ваши имена и названия такие сложные, но язык такой же, как у нас? Я думала, что нашим языком пользоваться было бы вам не удобно.

— Девочка, — Драутурэ усмехнулся, — это не «ваш» язык. Этот язык — наш. И ваши люди очень долго ему от нас обучались. Всё время коверкали, использовали неудобные обороты речи, хотя я считаю, та форма, которой вы научились пользоваться сейчас — куда легче,

чем те, которые ваши предки использовали раньше. А твоё имя, между прочим, не менее странное для ваших, чем моё.

Перед Лорелей поставили тарелку с какими-то цветными капсулами. Они несколько напоминали капсулы для стирки. Она снова подняла взгляд на Эльфа:

— Что это?

— Еда. Ешь.

Выглядело не аппетитно, но Лорелей была действительно голодна, а потому решила попробовать. Она наблюдала за тем, как ест Драутурэ: у него была железная шпажка, похожая на зубочистку, он накалывал ею капсулы и ел. Всё просто. Девушка последовала его примеру.

Еда привела Лорелей в восторг: какой-то необъяснимый вкус, будто бы смешавшиеся все вкусы, которые она когда-либо пробовала, но это было не отвратительно, как могло бы показаться. И сладость, и солёность, и острота, и всё-всё-всё, но в какой-то особой гармонии между собой. И поистине насыщающе. Трёх капсул ей оказалось достаточно для того, чтобы утолить голод полностью, а вот четвёртая оказалась лишней. В животе появилось едва уловимое покалывание, странное, тягучее, которое она тут же списала на непривычную пищу и долгий стресс.

— Что ещё тебя интересует? — Драутурэ ел уже третью капсулу — Лорелей удивилась его ненасытности.

— Почему за пределами вашего... Э-э-э... Ну, вашей территории мне угрожает опасность?

— Мы, то есть Эльфы, являемся самыми понимающими чувства людей существами. Мы можем испытывать сочувствие, относиться бережно к человеку. Мы их можем понять, хоть и с трудом. Существа, живущие на других территориях таким похвастаться не могут. Им будет легко подчинить твоё сознание и пользоваться тобой, как игрушкой: и их не остановит твоё нежелание. Если попадёшь к Вендиго, они в конце концов насытятся твоей плотью. Загляни к Суккубам — не постесняются поиметь тебя в самых изощрённых формах. Банши... — Эльф увидел, сколько ужаса спряталось в глазах девушки и остановился, — в прочем, не важно. Я просто настоятельно рекомендую тебе не посещать другие территории до тех пор, пока за тобой не придут или твой ген не восстановится.

Лорелей поняла, что её реакция была её ошибкой: бестиария у неё не было, а познакомиться с существами было частью её задания. Она боялась упустить возможность услышать хотя бы часть информации:

— Нет, пожалуйста, расскажи ещё, — девушка пыталась ухватиться за возможность, но столь торопливо, что не смогла удержать своей непоколебимости, почти умоляюще, к собственному ужасу, произнесла просьбу.

— Нет. Я не хочу портить аппетит, — отрезал Драутурэ, — я уверен, что эта информация тебе не понадобится.

Лорелей поняла, что спрашивать смысла нет, да и может вызвать подозрения. Придётся искать ответы где-то ещё.

Аппетит Драутурэ казался действительно невероятным. Он поглощал уже десятую капсулу, тогда как Лорелей переживала перенасыщенность, съев всего четыре. Лёгкая тошнота подступила к горлу, но она лишь незаметно прижала ладонь к животу, стараясь выровнять дыхание. Запах металла и чего-то сладкого вдруг стал невыносимо резким.

— А... Мирель? — Девушка вспомнила ту, что произвела фурор в кабинете чипирования, ту, что поразила её красотой, ту... У которой были белые, как молоко, глаза.

— Как я уже и говорил, она — Сирена. У них так же есть своя территория. Это всё, что я могу тебе о них рассказать, — в его «могу» явно читалось «знаю, но не хочу». Это настояжилось. И всё-таки, Лорелей приходилось радоваться хоть какой-то информации, которая была ей доступна.

— Поняла... А ещё Вы... Ой, ты сказал о том, что люди долгое время обучались от вас языку. Разве раньше вы имели какой-то контакт с людьми?

— Прямого нет. Да и сейчас прямой контакт нам не интересен.

— Что значит «прямой» контакт?

— А ты думаешь, Ван Гог сам решил отрезать себе ухо? — усмехнулся Эльф, — я даже знал лично ту Сирену, что напевала в его голове. Онитари... Какой же замечательной она была, — Драутурэ словно провалился в какие-то воспоминания, но достаточно быстро их смёл.

— А для чего вам — контакт? — Лорелей набиралась смелости в вопросах. Ей казалось, что сейчас она выглядит, как дурочка, которую бесцельно вбросили в мир, ничего не объяснив, и она ведёт себя, как ребёнок, уточняющий «почему небо голубое».

— Как бы ни было печально для вас — мы живём за счёт вашей энергетики. Нам нужен ваш страх, гнев, отчаяние. Ваша жестокость и бессердечие. Это помогает нам жить.

— Но вы...

— Достаточно, — Эльф снова оборвал речь девушки, встав из-за стола, — у меня есть дела, а ты можешь осмотреться. Чуть позже кто-нибудь из моих приведёт тебя в твои покои, ты сможешь отдохнуть.

Лорелей послушно встала из-за стола, не спеша уходить: а куда? и проводила взглядом элегантно уходящего Эльфа.

Она огляделась: помещение «столовой» оказалось ничуть не меньше того, где она проснулась. В арке была видна соседняя зала, а за ней ещё и ещё — неужели замок настолько огромный?

Взгляд вверх: высокие потолки, наикрасивейшая лепнина. Но ни одной люстры или даже подсвечников, что же Эльфы делают ночью? Или одной из их способностей является ночное зрение?

Лорелей прошла по множеству зал, прикасалась ко всем резным узорам на стенах, рассматривала колонны, возведённые из незнакомого, но от того не менее красивого материала. Но самое сладкое и манящее она оставила напоследок: ветерок, нежно прикасающийся к её коже манил, врываясь в замок через окна.

Помещения внутри были невероятно красивы, но они почти повторяли друг друга и девушка поняла, что пора оглядеться и на улице.

Долго искать выход ей не пришлось. С колотящимся сердцем и подрагивающими руками она аккуратно ступила за порог.

Ярчайшее, но не ослепляющее солнце осветило прекрасный вид вокруг, который был не так заметен даже через огромные окна. Окрестности выглядели так же, как и у людей, вот только всё было как-то... Живее. Зеленее, ярче, насыщеннее. Воздух дурманил сладким запахом. Трава ласкала открытые участки кожи ног. И это бабочки!

Чудеса какие!

Лорелей не могла не отметить, как всё вокруг было привлекательно. Это даже на секунду заставило забыть о том, зачем она здесь, улыбнуться, закрыть глаза и вскинуть лицо к солнцу, позволяя прикасаться лучам, согреть её щеки.

Драутурэ наблюдал своим пристальным взглядом за девушкой из окна верхнего этажа. Рядом с ним стояла Мирелль.

— Что-то узнал? — Мирелль приняла свою истинную оболочку — студенистую, прозрачную и холодную.

— Она либо слишком любопытна, либо всё же что-то скрывает. Но я не нашёл пока ничего. Спой ей.

— Я не могу. Она меня не слышит, — просьбу, озвученную Эльфом, Мирелль восприняла как приказ, который не может выполнить, оттого её голос наполнялся нотками вины.

— Как понять: не слышит? — Эльф был непоколебим, но и в его голосе прослеживалось беспокойство.

— Она не слышала песнь, когда я пришла за ней. Всё пали ниц, она же — ничего. Я подумала, что это — последствие подготовки. Но прошло достаточно времени, чтобы она слышала сейчас.

— Но она не слышит, — констатация факта или вопрос: сам Драутурэ не мог определить.

— Так и есть.

— Может тебе нужно свежее мясо? — предположил Эльф, намекая на человеческую энергетику, поглощаемую существами с целью насыщения.

— Нет, я не голодна. Моя песнь работает. Но не с ней.

— Спой мне, — Драутурэ был настойчив, желая проверить, не утратила ли способности его собеседница.

— Я повторяю, я не голодна и моя песнь работает, ещё секунда сомнения, и я спою тебе тоже самое, что пела людям вчера, — с раздражением произнесла Мирелль, но уже не вслух, она пробралась к созданию Драутурэ. Внутри его головы её голос звучал, как сладкий шёпот, отчего Эльф едва не свалился с ног — до того её песнь была пленяющей.

— Тогда — как? В нашем соглашении чётко обозначено правило: люди могут проникать в Изнанку по предварительному согласованию, но не имеют права искать способы противиться воздействию. Если они нарушили это правило, мы можем поступить с ней, как нам угодно, — Драутурэ пришёл в себя, и снова опустил пристальный взгляд на Лорелей, сидящую на коленях перед кустом цветов, разглядывающую каждый лепесток.

— Можно, я заберу её себе? — с надеждой в голосе произнесла Мирелль.

— Нет, мы должны убедиться. Мы ничего ещё не знаем. Да и если узнаем, не рассчитывай. Отдадим её Суккубам, пусть поразвлекаются, их любимые игрушки — люди, мало не покажется. Запустим к Эхо, они сломят её окончательно, и после всего закрепим Вендигу — страшнее смерти для человека, наверное, нет, — произнося каждый, из пунктов наказания для Лорелей, Эльф будто упивался собственной жестокостью.

— То есть трахнуть, затем сломить волю и отдать этим тварям сожрать её — лучше? Тебе известно, я могу сделать куда больше, — Сирена с досадой, при этом разгорячённо обратилась к Эльфу.

— Посмотрим. Не тебе решать. Сегодня пусть отдыхает. Завтра попробуем узнать больше.

— Но как?

— Я придумаю. Это моя забота.

***

Лорелей испытывала неописуемый восторг от того, что видела вокруг. Она заметила, что собирая ладонями пыльцу бабочек можно испытать неописуемое наслаждение. Пыльца растворялась на ладонях, проникала в кожу, вызывая приятное покалывание и волну тёплого ощущения по всему телу. Цветы, которые она видела в саду, были совсем не похожи на все остальные, которые она видела раньше. Превосходство их запаха ощущалось физически, а от такой красоты было сложно оторвать взгляд. Тепло солнца не переставало радовать, а на небе было не видно ни облачка. Вернее, за светом солнца было сложно вообще понять — где небо.

Она лежала на траве, позволяя ей щекотать кожу, искала новые цветы, с которыми ещё не успела познакомиться, прикасалась к стволам деревьев, которые казались неестественно огромными — им, наверное, миллионы лет?

— Лорелей! — из восторга её вытащил мягкий голос из замка. Она обернулась — в арке стояла Эльфийка, которую раньше она не видела, — идём ко мне.

Восторг и наслаждение быстро растворились: Лорелей снова стала настороженной, вспомнив, зачем она здесь.

— Привет...? — неуверенно произнесла девушка, подходя к Эльфийке.

— Пойдём, покажу тебе, где ты будешь отдыхать, — она была красива и одета несколько иначе, чем Драутурэ. На ней был короткий топ, сотканный из древесных нитей, и такие же брюки, на удивление эластичные для такого материала. Рыжие, прямые и длинные волосы, развевающиеся на ветру. Такие же острые ушки, черты лица и выточенный стан.

Лорелей шла за ней быстро — приходилось догонять, Эльфийка шла вприпрыжку, почти бежала.

— Ты ведь знаешь как меня зовут... А твоё имя — как? — решила поинтересоваться девушка. Эта особа может стать источником информации, если подойти к ней аккуратно.

— Я — Флёрени, — с неким задором ответила Эльфийка.

— А ты?... Э... Драутурэ — твой начальник? — Флёрени встала столбом от неожиданности, да так резко, что Лорелей врезалась в неё.

— Ой, прости, — Эльфийка аккуратно, но тороплива провела руками по плечам девушки, словно боялась, что испачкала её, — нет. Драутурэ здесь главный. Но он не начальник. У нас нет никаких начальников.

— Тогда что значит «главный».

Как «не начальник» и «главный»? Не понимаю.

— Ну... Он самый старший из нас, а потому — главный. Он решает основные вопросы. Но никто и не против. У нас в мире нет таких проблем, как у вас, и что бы ни решил главный, на нашу жизнь особо не влияет. Так что пусть командует, — Флёрени тараторила так быстро и с таким задором, что Лорелей с трудом успевала ухватывать смысл её слов. Ещё и вприпрыжку шла — голос подрагивал каждый раз, когда она приземлялась.

— Почему ты... Я не успеваю, погоди. Ты как маленький ребёнок, — улыбнулась Лорелей. Такого ребячества она не видела давно: дети вокруг появлялись крайне редко, но Эльфийка была словно ребёнок в теле взрослого.

— Так я и есть — маленький ребёнок, — хихикнула Флёрени и, резко развернувшись, чмокнула девушку в нос.

— Чего? Сколько тебе лет? — она снова оглядела Эльфийку с ног до головы: красивое, сформировавшееся тело взрослой девушки, как она может быть ребёнком?

— Мне четыреста двадцать восемь. А тебе? — Флёрени вела диалог так, словно собиралась подружиться с девчонкой из песочницы.

— Тридцать... Семь... — от неожиданности, Лорелей едва смогла выговорить свой возраст, а желание рассмотреть Эльфийку укрепились сильнее.

Сколько живут Эльфы, если четыреста двадцать восемь лет — это детство?

— Так ты совсем малышка! — похихикала Флёрени и прошла дальше по коридору замка, — пойдём!

Дальше разговор не клеился: Эльфийка скакала по коридору, насвистывая какую-то мелодию, а Лорелей пыталась не отставать, погрузившись в свои мысли.

Пытаясь разобраться в действительности, вопросов становилось пока только больше. У детей язык длинный — стоит ли пытаться выведать у неё какую-то информацию? Не воспримет ли она это странно? Хотя с другой стороны, это могло быть и преимуществом, вдруг она может разболтать всё, что знает?

— Хей, ты где? — Флёрени остановилась перед огромной узкой дверью до потолка, ручки которой были на уровне груди, — твои покои. Располагайся. Вам, людям, нужно же спать каждый день, так? Я надеюсь, тебе здесь будет удобно.

— А я могу...

— Можешь всё, что захочешь. Никто не зайдет к тебе, пока ты сама не позовёшь.

Что за манера у Эльфов постоянно перебивать?

Флёрени вышла и оставила девушку одну в огромной комнате. Спать хотелось страшно, хотя за окном по-прежнему был ясный день. В прочем, о режиме беспокоиться сейчас не нужно. В худшем случае — она выберется отсюда через два года, а всё это время правильность режима поддерживать ни к чему.

Улегшись на огромную кровать, на которой поместилось бы ещё минимум пять человек, она отметила невероятную мягкость матраса, подушек и одеял. Заглянув под простыни, Лорелей обнаружила, что под ней был и не матрас вовсе: скорее это можно было назвать тонной воды в какой-то оболочке, который не позволял «матрасу» терять формы, но сохранял эластичность, создающее ощущение мягкости.

Ей потребовалось продолжительное количество времени, чтобы уснуть: яркий свет с окон, не прикрытых никакими шторами, стресс событий последних дней. А самое главное препятствие перед сном оказались её мысли:

Если я нарушу правило «не выходить за пределы их территории», действительно ли я столкнусь с теми кошмарами, о которых мне успели рассказать? А что, если это не худшее?

Лорелей понимала, что нарушить правило придётся — ей так или иначе необходимо познакомиться со всеми существами, живущими в Изнанке. Ей нужно найти подход к каждому, нужно что-то услышать или увидеть. А может наоборот — не услышать и не увидеть.

Почему я должна это делать? Работать на людей, которые считают людей расходниками? Разве к этому меня готовили всю жизнь?

Девушка вспоминала родителей, они тоже были военными, работающих на кого-то выше. Но воспоминания рождались с трудом: они отдали её в школу, в которой подготавливали таких, как она. И больше Лорелей их не видела. Разница была не большой. Отсутствие тепла и заботы было и дома, и в школе, в которой она провела ещё очень много времени перед тем, как перейти к службе. В целом, она никогда и не знала, что такое настоящие «родители». Они никогда не знала, что такое «взрослеть», потому как взрослой её стали считать чуть ли не с тех пор, как она начала говорить. Лорелей помнит, как над ней стоял сначала отец, а потом и школьный инструктор, кричащий о том, что она слишком обленилась, хотя она, изнемогая от усталости, отжималась уже двухсотый раз. Она помнит, как хотелось расплакаться, и помнит, как жестко это пресекалось. Слезы — слабость. Она не должна быть слабой. Она не имеет права быть слабой.

Девушка думала о том, как бы всё сложилось, если бы она росла в нормальной семье, училась в нормальной школе, а потом в нормальном институте. Нашла бы обычного парня. Залетела бы от него и создала семью. У них бы было двое наимилейших детей...

Нет. В мире, где люди — расходник и для тех, кто стоит над ними, и для тех, кто стоит над теми, кто над ними — дети, это эгоистично. К тому же с моим прошлым мой ребёнок не имел бы права иметь иную судьбу, скорее всего, его бы так же забрали с ранних лет. Обрекать человека на такую судьбу — наиглупейшее, бессердечное решение.

Лорелей вспоминала своего босса. Она встретила его сразу после выхода из школы. Сперва их отношения не сложились, у девушки ещё не перестал бурлить пубертат, и какой бы сдержанной её ни учили быть, иногда протест всё равно проявлялся. Босс был слишком суров... И всё-таки, она росла рядом с ним долгое время после, и смогла найти общий язык. Босс многому её научил. Единственный, кто проявлял понимание, хоть и был страшно требовательным. Единственный, кто умел сочувствовать, когда ей было действительно не сладко.

Он отвернулся. Его приверженность аморальной системе оказалась сильнее всего того, что было.

Девушка быстро сбросила эти мысли: ей не хотелось думать плохо о том, кто заменил ей отца. Но и ничего другого на ум не приходило при мысли о нём.

Четыреста двадцать восемь лет. И это — ребёнок. Интересно, сколько лет Драутурэ, если он самый старший из них?

Лорелей пыталась вспомнить, о каких существах говорил Эльф. Что-то про Вендиго, которые питались плотью, и, видимо, очень охотно. Суккубы, которые отличались особой похотливостью и... Банши? О них он не успел рассказать.

Она была слишком вымотана последними событиями и собственными мыслями, чтобы продолжить копошиться рой мыслей, и провалилась в сон.

***

Лорелей проснулась, а за окном было по-прежнему яркое солнце.

Сколько я спала?

У кровати стоял золочённый поднос, на котором аппетитно лежали семь капсул. Девушка проголодалась, и, подумав, что это для неё, а для кого ещё? — съела за раз две штуки. В этот раз их хватило для полного насыщения, а вкус был таким же. Но он не мог надоесть, Лорелей думала о том, что будь возможность, она питалась бы этим каждый день.

Также перед кроватью она увидела комплект одежды: слегка укороченная футболка, из того же материала, что был на Флёрени, брюки и какая-то листовенная накидка. Выглядело просто, но большого выбора у Лорелей не было ни раньше, не сейчас. Она слишком долго не принимала ванну и не переодевалась, так что, взяв одежду, она поспешно переоделась.

Белья под одежду надевать не стала: попробовав натянуть одежду поверх поняла, что по какой-то причине это страшно не удобно. Как только она избавилась от белья, одежда легла на её тело, как нежнейший шёлк.

Её смущал собственный комплект одежды: неловко было спрашивать, где она может постирать свои трусики, да и вообще — всё для неё было неловко. Еда у кровати. Одежда. Комната, предоставленная ей и кровать, на которой она выспалась так, как никогда раньше.

Я знаю, что они называют меня гостем. Но думают ли так на самом деле?

Девушка не стала ходить с грязным бельём по замку, решила сначала спросить, а лишь потом украдкой протащить вещи, пока никто не видит.

Лорелей вышла в коридор, залитый точно такими же солнечными лучами, как и вчера. Никого не оказалось по близости, да и она не знала — где искать. Когда раньше она гуляла по замку, не нашла ни одно служебного помещения. Кроме того, она и не встретила никого.

Решила идти наугад. Замок огромный, но не может же он пустовать — кто-то, да попадётся навстречу.

— Лорелей! — послышался задорный голос за спиной и девушка сразу поняла — это Флёрени, — уже проснулась?

Не успела девушка ничего сказать, как Эльфийка приблизилась и оценивающе-восторженным взглядом прошла по всем участкам её тела, — ты красивая... — её руки прикоснулись к рёбрам Лорелей, затем спустились на талию, а в завершение задержались на её бёдрах, — все люди — такие?

— А ты не видела людей? — девушка не знала обычаев Эльфов, и не была уверена, нормально ли такое поведение, поэтому быстро сбросила своё смущение и решила положиться на то, что происходит. Пусть просто всё идёт своим чередом.

— Нет конечно! Я ещё не прошла подготовку, — Флёрени говорила так легко, словно говорила о очевидных вещах и удивлялась, как Лорелей могла о них не знать.

— Подготовку?

— Да, ты не знаешь? — молодая Эльфийка удивлённо подняла одну бровь, но была рада рассказать, — мы все проходим подготовку перед тем, как проникать в сознание людей. До тех пор мы их не видим. Моя подготовка начнется через семьдесят два года, а закончу я её через пятьсот семьдесят два, я так жду, осталось совсем немного!

Немного..., да я умру к тому времени, когда она учиться начнёт.

— А для чего вам — проникать в сознание людей? — Лорелей уже слышала часть этой истории, но сделала вид, что ничего не знает, в надежде, что Флёрени расскажет ей что-то новое.

— Ну, когда мы...

— Ступай, Флёрени, — за нашей спиной появился Драутурэ. Эльфийка послушно приклонила голову и удалилась куда-то по коридору, — ты выпалась?

— Да... Спасибо, — Эльф вызывал напряжение. Что-то в его голосе было не так.

— Флёрени тебя не доставала? Она совсем маленькая, ей всё интересно, и тараторит она без умолку. Иногда кажется, ей не хватает ещё одного рта и голоса, чтобы в её поток вмещалось всё, что она хочет сказать, — девушка заметила, что о Эльфийке Драутурэ говорил с некоторой долей нежности, и улыбнулась его словам.

— Нет-нет, всё в порядке.

— Ты переделась и, я так понимаю, нашла свой завтрак. Можешь продолжать гулять здесь или... Может тебе что-то нужно?

— Эм... Если честно, мне страшно неловко просить, но учитывая, сколько времени я здесь проведу, мне нужно место, где я могу принять душ и постирать вещи.

— Тебе нужно просто выйти в любую комнату коридора и представить, что тебе нужно. Наши арки работают так. Хочешь принять ванну — подумай об этом и входи в любую. Хочешь поесть, думай о еде и окажешься в столовой, — эти слова прозвучали снисходительно, будто он бережно учил чему-то маленького ребёнка. Хотя, учитывая его возраст, наверное Лорелей и была для него ребёнком, — но пользуйся этим только в коридоре. Дверь между твоими комнатами и коридором не наделена такой возможностью. Только арки.

— Хорошо, спасибо. Я... Могу идти?

— Конечно, — холодная, как сталь, улыбка.

Он стоял и наблюдал, как Лорелей уходит. Как только девушка скрылась из виду, около Драутурэ тут же появилась Флёрени.

— О чём вы говорили, дорогая? — прикоснувшись к её плечу спросил Эльф.

— О! Она спрашивала, почему я до сих пор не видела людей, спрашивала про подготовку и спросила, почему нам нужно проникать в сознание людей.

Эльф вскинул брови, а его уши коротко завибрировали. Он пристально смотрел за скачущей вокруг него Эльфийки и настойчиво спросил:

— Дорогая, ты ведь можешь мне помочь?

— Конечно! — её глаза загорелись интересом и она тут же успокоилась, и встала, выжидающе смотря прямо в глаза Драутурэ.

— Эта девушка, человек. Ты же понимаешь, что людям доверять нельзя? — он разговаривал с Лорелей, будто затеял какую-то игру.

— Да!

— Она может что-то скрывать, и мы хотим понимать, что, — Эльф потрепал Флёрени по волосам, — пообщайся с ней. Отвечай на все вопросы, которые ей будут интересны, не стесняйся. Она всё равно никуда не денется. Но обязательно расскажи всё мне, что бы она тебя ни спросила.

— Хорошо! — Флёрени поправила волосы, ярко улыбнувшись, — могу идти!

— Она примет ванну, а после — она вся твоя. Только не надоедай ей сильно, а то вдруг испугается, — сказано было с шуткой и с мягкой нежностью.

***

Лорелей сделала всё, как ей велели. Встала посреди коридора, сжимая в руках свою одежду, закрыла глаза и представила горячую воду, стекающую по её телу. Она вошла в арку и...

Ещё до того, как она открыла глаза, она почувствовала горячий пар, обволакивающий с ног до головы. Она попала в помещение, не уступающее размерам всем предыдущим. Окна были такими же, как и везде. Это смутило девушку — а если кто-то её увидит?

Впрочем, она быстро отбросила смущение: так сильно она хотела смыть с себя остатки предыдущих дней.

Посреди помещения была огромная изумрудная купель, а вода в ней была почти не видна под дурманящим паром. Как хотелось скорее окунуться в неё.

Лорелей торопливо сняла с себя одежду, неаккуратно разбросав её вокруг: *потом уберу*. Спустилась по скалистой лесенке и погрузилась в воду. Она была почти обжигающей, но приятной телу. Девушка обняла себя руками, запрокинула голову и закрыла глаза.

Её щеки красил горячий пар, а тело расслаблялось. Так было бы хорошо сейчас, если бы не новая порция мыслей:

Стоило ли это того, что я перенесла во время подготовки? Придут ли за мной?

Разозлившись, Лорелей стала ладонями счищать остатки пережитого за последнее время, а после и вовсе, соскрести ногтями. На коже оставались красные полосы, которые перестали быть полосами — она раздирала всё тело, превращающееся в красное пятно. Под ногтями оставалась грязь, кожа и...

Кровь?

Заметив кровь, девушка вспомнила про чип: рана ещё не зажила, а Лорелей даже не заметила, как стала соскрести с себя кожу и там. Она в панике остановилась, привстала, оставаясь в воде лишь по колено. По шее едва заметно прошла небольшая струйка липкой крови.

Заживать теперь будет дольше.

Она провела ладонью по шее и с отвращением отметила, как много крови успело стечь.

— Я оставлю твою чистую одежду здесь, — кто-то вошел в комнату, от чего Лорелей вздрогнула, нервно закрыв грудь и лобок руками. А позже, вспомнив о крови, резко опустилась в воду по самые скулы. Она умоляла про себя, чтобы этот «кто-то» не увидел — под кожей был чип, о котором ни в коем случае не должны были знать.

— Спасибо! — отозвалась Лорелей. Голос ей показался не знакомым, но находясь в таком положении: голой и в крови, ей совершенно не хотелось заводить новых знакомств, а потому она зажмурила глаза, будто бы так лучше слышны её мысли, восклицающие «пожалуйста, уходи, пожалуйста, уходи!».

Но её словно услышали, хотя возможно вошедший и не собирался нарушать её покоя. Спокойно выдохнув, она спешно смыла с себя остатки крови, грязи и крови.

У стены стояло что-то, напоминающее бальный станок — на нём висело полотенце и одежда, приготовленные для неё.

Нужна холодная вода. Раз арки работают так, будет ли также внутри помещений?

Лорелей закрыла глаза и представила себе эту же купель с ледящей, почти заледенелой водой. В секунду пар рассеялся, она в надежде прикоснулась к поверхности и облегченно выдохнула: вода и правда была ледяной.

Набрав немного воды краешком полотенца, она прислонила его к кровотокающей ране, сильно прижав. Полотенце начало пропитываться кровью, но она вскоре остановилась — ещё один облегченный выдох.

Она спешно надела приготовленную одежду, почти такую же, что оставили в её комнате, но это была не та, что она успела разбросать по полу.

Теперь, стирать.

Лорелей заметила, что её одежды, и утренней, и собственной на полу не оказалось. Это вызвало очередную порцию напряжения.

Наверное забрал тот, кто заходил. За этим паром ничего не видно!

Дрожащими руками девушка отстирала полотенце, проследив, чтобы на нём не осталось и намёка на кровь. Оставила его на «станке» и вышла в коридор.

Нужно вести себя обычно. Играй по их правилам.

Самым обычным ей показалось снова выйти на улице.

Там её встретила Флёрени.

Отлично. Сейчас она заболтает меня своим детским щебетом и я отвлекусь.

Лорелей нежно улыбнулась Эльфийке, задорно подбежавшей к ней.

— Привет! Останешься со мной поиграть?

— Конечно! Во что мы будем играть?

Флёрени уселась на траву, призывая Лорелей сделать так же. Нежность ласкающих растений чуть успокоила девушку, а то, что сделала Эльфийка и вовсе смело остатки неприятных чувств, затмеваемые восторгом.

Эльфийка срывала траву руками, и когда та оказывалась в её пальцах — превращалась в красивые атласные ленты. Девушка плела что-то из этих лент, но Лорелей пока не понимала, что. Во всяком случае, это выглядело завораживающе.

— А ты? — Флёрени протянула ей травинку.

— Что?

— Не хочешь сплести что-нибудь вместе со мной? — Эльфийка капризно надула губки, будто уже подготовившись к отрицательному ответу.

— Но... Я не умею.

— Что? Люди разве так не делают?

— Послушай... Мы очень разные, — у Лорелей возник план. Пусть её сознание и сопротивлялось, поскольку она отчётливо видела перед собой взрослую девушку, она всё же старалась разговаривать так, как разговаривала бы с маленьким ребёнком, — давай, ты расскажешь мне про то, как устроено в вашем мире, а я расскажу, как и что устроено в нашем, идёт?

— Давай! Я — первая! — Флёрени задорно засмеялась, будто победила в какой-то игре, — мы — Эльфы. Это ты уже знаешь. Наша территория — Соернаториам Лулоабнодезия. Мы живём только здесь, — на секунду Флёрени остановилась, задумавшись, — ещё в нашем мире есть восемь территорий. Это Белионордаюгаровуэт, Хиалнонэйрбасалар, Дээррэковиантуэрестон, ещё... — девушка смотрела в небо, будто напрягалась вспоминать названия территорий, — а! Ещё Сииртандэлоомфисаээрос, Колвинсорфалумст, Дрэсентохувиалланлэёр, Хёнубсаэлорфиэнферкохеэс и Сеутикойдебаррид, — снова задумалась, принялась шёпотом считать пальцы, — ... восемь. Да, восемь, вроде ничего не забыла, — снова искренняя детская улыбка.

— Погоди-погоди... Я ни слова не поняла. Все эти слова обозначают какие-то конкретные территории? — голова Лорелей была готова взорваться от наплыва непонятных, будто бы случайно набросанных букв.

— Да-а-а... Но на самом деле, их никто так не называет. Слишком долго. Если проще: Белион, Хиалнон, Эрестон, Ээрос, Колв, Дрэсент, Хеэс и Сеут.

— Так... И на каждой территории живут отдельные существа? — Лорелей с жадностью поглощала новую информацию. Возможно вот-вот она услышит то, зачем сюда пришла.

— Да. В Белионе живут Вампиры. Они пьют кровь нарциссических, самовлюблённых, жестоких существ, в том числе и людей. Им нравится «плохая» кровь, из неё они берут силы. Но чаще всего таких существ недостаточно для насыщения всех: они манипуляторы, и умеют возвести существо до крайней точки его самовлюблённости. Затем доводят их до отчаяния, и они сами отдают им кровь. Чем больше крови они выпьют, тем хуже существу — они становятся их рабами, они называют их «вещь».

— Ого! А Хиалнон?

Вот и bestiарий не требуется. Сама справлюсь. У детей язык — без костей.

— О... Хиалнон самое холодное место в Изнанке. Там всегда снег и живут там Вендиго. Их совсем немного: они каннибалы. Поедают друг друга. Но у них есть определённые правила — есть по чуть-чуть, успевая оставить потомство. Странная система, но они такие, — Флёрени говорила такие ужасные вещи так спокойно... — рядом с ними любое другое существо чувствует нестерпимый голод. Я слышала, что кто-то съел собственную сумку, лишь бы утолить его.

— Серьёзно? — Лорелей отыгрывала заинтересованное удивление, хотя на самом деле из-за мерзости, которую она слышала, спазмы в желудке не заставили себя долго ждать.

— Да-а-а! Но на самом деле, они те ещё гурманы. Друг друга они едят, чтобы не умереть. Но когда к ним попадает другое существо, они становятся настоящими гурманами. Они доводят существа до ощущения тотальной психологической пустоты. Они любят плоть, пропитанную духовной опустошённостью. Те, кто выживал после подобного ужина, сами становились Вендиго, — Флёрени на секунду остановилась, хотя разговаривала она так быстро, что казалось, поток её речи бесконечен, — ещё Эрестон! Там живут Сирены. Они любят поселяться у существ в разуме и сводить их с ума. Но это лишь малая часть их способностей. Проникая в сознание, они узнают о существе — всё. И когда они находят жертву, хоть когда-то испытывшую чувство зависти, они начинают игру.

— Какую игру?

— Я точно не помню. Это всё мы узнаём во время подготовки. А я ещё не начала учиться, — расстроено объявила Эльфийка.

— Ну, ничего, я уверена, уже скоро ты всему научишься, — наигранную поддержку Флёрени съела без сомнений. Или, так показалось, — расскажи, что ты ещё знаешь.

— Ээрос... Я о нём мало что знаю. Там что-то вроде «цитадели сна». Что-то про лень и паралич воли... Не помню, — сама задыхаясь от быстроты своей речи, Эльфийка всё же притихла, нагнулась ближе к Лорелей и шёпотом произнесла, — а ещё Колв... Только не говори никому, пожалуйста, что я о нём знаю. Детям строго-настрого запрещают изучать их.

— Почему?

— На самом деле — я не знаю. Я слышала, что там живут Суккубы, и слышала, что там что-то с цепями, плетью и кровью. Там всегда влажно и тепло. Но больше ничего о них я не знаю.

Цепи, плети и кровь звучит, конечно, не так страшно, как каннибализм, но всё-таки неприятно.

Пока девушка слушала страшилки о Изнанке, она неосознанно потёрла шею.

Чип! Его же не видно?

Она быстро закрыла ухо и шею волосами, опасаясь снова заправить их в удобное положение.

— Что-то случилось? — взволнованно спросила Флёрени. Она заметила нервное телодвижение девушки.

— Нет-нет. Всё в порядке!

— Ещё... У нас есть Банши... Они, кажется насылают смерть своим плачем. Живут в Дрэсенте. И Юрей из Хэеса. В сеуте живут Эхо, — Эльфийка сбавила напор своего монолога, потому что теперь была заинтересована поведением Лорелей.

— Ох, это всё очень сложно... Мне кажется, я проголодалась, — девушка решила, что сейчас лучше отойти и успокоится и только после вернуться к диалогу. Её странное поведение вызвало реакцию — такого допускать было нельзя, — ты не против, если я уйду ненадолго? — Лорелей одарила девушку ярчайшей улыбкой.

— Но ты же обещала рассказать мне про людей!

— Я помню! И я обязательно тебе расскажу, но позже. Договорились?

— Ну и пожалуйста. Вы, люди, все такие? — словно пытаюсь задеть Лорелей за обиду произнесла Флёрени. И всё-таки для Лорелей это стало интересным крючком в её сознании.

— Постой... — успев подняться, торопясь уходить, девушка остановилась и снова развернулась к Эльфийке. А вы... Существа — все такие? Ну, то есть... Вы все живете долго, или, может, кто-то из них бессмертен.

— Мы все смертны, — нехотя отвечала Эльфийка, снедаемая обидой.

— А... Слабости у вас есть?

— У Эльфов — да. Про остальных я ещё не знаю.

— Ладно... Я скоро вернусь, малышка. Будешь меня ждать?

— Буду, — Флёрени не смогла дальше играть в обиду, и по-детски улыбнулась, снимая с себя капризную маску.

Лорелей ушла в свои покои, шумно опустившись на кровать, снова прикоснулась к ране за ухом.

Годы подготовки, мне прививали жёсткость, холодность и непоколебимость. Я была свидетелем десятка смертей, к части из них была причастна. Я ни единожды попадала в ситуации, когда из меня насильно пытались вытащить информацию. Ни одного прокола.

А сейчас я разбиваюсь перед ребёнком?

Лорелей испытывала стыд, а после ещё и гнев на себя. Она не могла простить себе те чувства, которые переживает последнее время. Не могла простить, потому что каждое из них было заметно в её мимике, в её движениях, в её дыхании. Она была на грани того, чтобы выдать себя наиглупейшим образом.

Что с тобой не так?

Девушка мысленно обращалась сама к себе, испытывая всё больше гнева. Наконец, она спиной опустилась на кровать, решив, что немного отдыха — и она снова будет в строю.

Драутурэ заинтересованно поднял взгляд, увидев подбегающую к нему Флёрени.

— Порадуешь меня? — спросил Эльф.

— Ну-у-у... Она быстро ушла. Я рассказала ей про существ. Про территории. Да, в общем-то и всё, — Эльфийка скучающе переминалась с ноги на ногу. Ей нужно было доложить о разговоре с Лорелей, а она хотела в сад.

— И она ничего не спрашивала? — всё тем же снисходительным, но более настойчивым голосом уточнил Драутурэ.

— В основном разговаривала я...

— И она просто ушла?

— Нет, на самом деле не просто. Что-то случилось. Она постоянно трепала свои волосы, закрывала ими шею. У неё странно тряслись руки, как наши уши, когда мы злимся! — Эльфийку будто это приводило в восторг.

— Так?

— Ну, она сказала, что хочет есть, и ушла, — с досадой в голосе выдохнула Флёрени.

— И всё?

Эльфийка задумалась. Кажется, было что-то ещё.

— О, она спросила, все ли мы смертны и есть ли у нас какие-то слабости.

Глаза Драутурэ довольно засверкали.

— Да умница, дорогая. Можешь ступать, — девушка сразу убежала вприпрыжку, довольная тем, что расспрос окончился и она может снова играть.

Эльф сложил руки, погружившись в свои мысли. Он не был уверен, что этой информации достаточно, чтобы открыто обвинить человека, но теперь он точно знал, за что может зацепиться.

— Узнал что-то? — перед ним материализовалась Мирелль. Они договорились встречаться раз в день: она как никто другой могла и помогать Эльфу в решении проблемы в лице Лорелей, при этом сохраняя спокойствие и держа себя в руках.

— Она задаёт странные вопросы, о нашей продолжительности жизни и слабостях.

Сирена возбужденно прикусила нижнюю губу.

— Может подумаешь о том, чтобы всё же отдать её мне? — решения ещё не было, а Мирелль уже прокручивала в мыслях варианты мести.

— Мы ещё ничего не знаем, не забегай вперёд. Её нужно осмотреть. Малышка разговаривала с ней, заметила, что она нервно поправляла волосы и закрывала шею.

Лорелей решила, что достовернее будет действительно выйти поесть, поскольку Эльфийке она сказала, что проголодалась.

Вышла из комнаты, представила залу со столом, где ранее ужинала вместе с Драутурэ и переступила через порог.

— Проголодалась? — спросил Эльф, увидев девушку на пороге.

Вместе с Сиреной они осмотрели Лорелей с ног до головы, но сохраняли спокойствие и вели себя как обычно.

— Да, — неловко ответила девушка. Она не ожидала встретить здесь кого-то ещё, — я хотела спросить... — Лорелей решила скрыть своё беспокойство очередной порцией интереса, — вчера, когда я ложилась спать — ярко светило солнце. Когда я проснулась — оно нисколько не изменилось. Как у вас проходят сутки? Когда наступает ночь?

— Ночь у нас не наступает, — очередной снисходительный тон, на который девушка старалась не реагировать, — ночь бывает только на некоторых других территориях. У нас всегда светло.

— Понятно... — Лорелей искала в себе хоть один из миллиарда интересующих её вопросов, но ни один не могла вспомнить: слишком неожиданна была встреча, и как ни к стати она была к ней не готова.

— Нам нужно тебя осмотреть, — начала Мирелль, — твой заблокированный ген, вероятнее всего, придёт в норму много позже, но всё-таки необходимо допустить, что что-то пойдёт не так.

Сирена буквально физически чувствовала недовольство Эльфа, с которым не согласовала информацию, выданную ею только что.

Успокойся, — прошептала она внутри его сознания, — *поддержи мою легенду, и мы увидим, что у неё на шее.*

— Что может пойти не так? — удивлённо произнесла Лорелей.

— Если ген возьмёт своё раньше, тебе необходимо будет сразу покинуть Изнанку. То, что может случиться с тобой, будь твой ген заблокирован в твоём мире, может случиться и здесь, если он будет функционировать.

Девушка нервно сглотнула.

— Что значит — осмотреть? — глупый вопрос, ничего лучше сказать не могла?

— Простой физический осмотр. Больно не будет, — в игру вступил Драутурэ, — мы будем проверять тебя ежедневно во избежание неприятных сюрпризов. Если тебе будет комфортнее тут — можем приступить. Если же ты хочешь, например, в своих покоях, или где-то ещё, нам стоит как можно скорее туда отправиться.

Лорелей вспомнила про чип за ухом, сердце забило с бешеной силой, но она понимала — воспротивиться — значит выдать себя с потрохами.

Играй по их правилам. Может быть, они не заметят, а если заметят — может быть не поймут.

— Давайте здесь, — согласилась Лорелей, поскольку безопасно она не чувствовала себя ни здесь, ни где-либо ещё, но так хотя бы могла закончить с этим быстрее.

— Раздевайся, — сухо произнёс Драутурэ, — я знаю, что у людей есть некоторые предрассудки, касаемо наготы в присутствии других. Как бы то ни было, мы должны присутствовать оба, но ты можешь выбрать, кто из нас будет тебя осматривать. Мирелль, всё-таки, женщина, если тебе так будет спокойнее.

— Да, пожалуй так будет... спокойнее? — в её памяти вспыхнул недавний неприятный досмотр. *Снова?*

Лорелей поспешно разделась, аккуратно повесив одежду на спинке близстоящего стула.

— Начну снизу, чтобы она не думала, что я что-то ищу у неё на шее, — предупредила Мирелль в сознании Драутурэ, медленно подходя к девушке.

— Поднимешь ручки? — произнесла Сирена вслух, стараясь быть максимально мягкой, чтобы Лорелей не заподозрила ничего раньше времени.

Девушка подняла руки. Сирена опустилась перед ней, прикасаясь к ступням, затем лодыжкам, икрам, коленям. Она обхватывала конечности с каждой стороны, прижимая холодными ладонями.

Как именно тактильный осмотр может обозначить работу гена?

Лорелей старалась не обращать внимание на происходящем, она сконцентрировала внимание на лепнине под потолком, упорно заставляя рассматривать себя узор.

Сирена продолжила. Пусть осмотр не был таким отвратительным, как ещё предыдущий опыт: Мирелль была аккуратна и нежна, прикасаясь к девушке: приятного всё равно было мало. Она прошлась по бёдрам девушки, их внешним и внутренним сторонам.

— Извини, меня, это необходимость, — с этими словами Сирена мягко, чуть ощутимо, провела ладонью в самом чувствительном месте. Лорелей с напором закрыла глаза так, что в ушах слышала напряжение мышц глаз. Она чуть слышно выдохнула, как только руки Сирены оказались выше: лобок, талия, рёбра.

Прикосновения к груди заставили её вздрогнуть — руки были холодными, но смущения не вызвали. Она уже испытала что-то, более унижительное пару секунд назад.

Сдержанность и непоколебимость вернулись к Лорелей, как только руки Мирелль оказались на её плечах, но разбились в осколки, когда она прикоснулась к шее. Внешнее спокойствие она сохраняла, тогда как всё внутри пробивала дрожь.

— Подними волосы, — слова, которые заставили едва заметно дрогнуть её брови, но противиться она не стала.

Играй по их правилам.

Мирелль обошла её, встав за спиной. Мягко провела пальцами вверх по шее, по позвоночнику и остановилась за левым ухом.

— Нашла! — Мирелль обратилась к сознанию Драутурэ, он же сохранял спокойствие.

— У тебя здесь... Кровь, — сыграв беспокойство начала Мирелль.

Лорелей не нашла, что ответить, но Сирена быстро приняла на себя инициативу снова.

— Нам нужно обработать рану. Вы, люди, слишком слабые и легко подвергаетесь разным болезням. Нам не хочется, чтобы ты плохо себя чувствовала, — заботливый голос Мирелль быстро успокоил девушку, во всяком случае, ей так показалось.

Она не знает, что это. Значит, всё в порядке?

— Выйдем в лазарет и всё сделаем быстро, хорошо? — спросил Драутурэ, но девушка понимала — это скорее приказ.

— Можешь одеться. Драутурэ, она чиста, всё в порядке, — слова «она чиста» Лорелей поняла, как «ген не активен». Взяла одежду и дрожащими руками старалась одеться как можно быстрее, однако дрожь предательски мешала быстро натянуть брюки.

— Пойдём, Лорелей, — мягко произнёс Драутурэ.

Девушка неуверенно поплелась за существами вслед.

Они оказались в другой зале, полной кушеток за бирюзовыми шторами. Внутри не оказалось никого, только они втроём.

— Садись, — Мирелль указала ей на некое подобие кресла, будто сделанного из древесной коры. Лорелей отметила для себя, что ремней на нём нет, это хоть на какую-то долю успокаивало.

Когда девушка села, спинка кресла немного откинулась назад, она оказалась в положении полу-лёжа, полу-сидя.

Мирелль обошла её, наклонилась к левому уху и бережно оттянула его. Она снова попыталась воздействовать на сознание Мирелль, но ничего не получалось. Сирена понимала, этому мешает что-то, находящееся под раной.

— Там что-то есть, и это что-то не позволяет мне петть ей, — она мысленно обратилась к Драутурэ.

— Нам нужно это вытащить, — сказал Эльф вслух, не выдержав.

Лорелей сразу поняла в чём дело, и уже хотела бежать, как её прижали к креслу. Талия, ноги и руки были обвиты лозой, которая распустилась сама, будто по волшебству.

— Что скажешь, милашка? Готова немного потерпеть? — с нескрываемым злорадством произнесла Мирелль, обвив её шею своей рукой.

Ногти впивались в кожу, но Лорелей чувствовала — она ещё только играет. Девушка повела головой в сторону, пытаясь освободиться от хватки Сирены. Та лишь сильнее впилась ногтями, оставляя красный след на коже.

— Ты расскажешь, что это за штука у тебя, или к сотрудничеству не готова? — Эльф подошёл ближе, смотря на неё сверху вниз.

Лорелей молчала. Она нарушила правила игры, и понимала: что бы они ни сказала, её не отпустят.

— Что ж... — он кивнул Мирелль, та в свою очередь отпустила горло девушки.

— Смотри, как умею, — Сирена ухмыльнулась, держа свою кисть перед лицом девушки. В секунду её и без того длинные ногти стали ещё длиннее и, кажется, острее, — была бы ты чуточку умнее, ничего бы не случилось.

Лорелей почувствовала, как Мирелль с лёгкостью режет кожу за её ухом. По шее побежала струйка горячей крови, но она старательно держалась: её лицо не дрогнуло — она враждебно и пристально смотрела на Эльфа, и не издала ни звука. То, как Мирелль смаковала слова, предвещающие боль, давало понять: покажи она сейчас свой страх и ощущения, Сирена получила бы удовольствие. А может и не только она.

— Тут что-то железное, — произнесла Мирелль.

— Сможешь сломать и вытащить только часть? — Драутурэ внимательно посмотрел на разрез.

— Смогу, наверное. Но для чего?

— У меня есть одна мысль... — он сощурил глаза, пытаясь рассмотреть чип сквозь сгустки крови.

На Лорелей не обращали никакого внимания, будто сейчас вместо неё существовал только её чип. Впрочем, она и не привлекала внимания. Сейчас она непоколебимо, игнорируя боль и страх, ждала, что будет дальше: ей было абсолютно очевидно, что бы она ни сделала, ей это не поможет.

Мирелль убрала длину своих ногтей и принялась изучать чип внутри девушки. Она услышала некий краткий треск. Сломала...

— Вытащи, — скомандовал Драутурэ, переполненный неестественной ему нетерпеливостью.

Сирена послушалась, и в её окровавленных руках уже через пол секунды лежал маленький кусочек надломленного чипа.

— Теперь спой ей.

Мирелль начала, но снова ничего не получалось.

— Не слышит. Давай я вытащу его полностью? — она уже потянула руки к вскрытой ране, но Эльф быстро пресёк её действия.

— Нет! Пробуй ещё, напрягись.

Лорелей совершенно не понимала: если часть чипа всё ещё внутри и он работает, для чего стараться проникать в её сознание.

Попытки Сирены продолжались ещё долгое время, но Эльф не отступал. Он заставлял Мирелль пробовать снова и снова, пока она окончательно не устала.

— Ладно... Последняя попытка и, если не сработает, вытащим то, что осталось в ней, — сжалился Драутурэ и отошёл в сторону, чтобы видеть картину целостнее.

Мирелль попробовала снова, но Лорелей ничего не слышала. Однако она странно покосилась на Сирену. Она почувствовала её запах, словно от неё веяло шоколадом и корицей.

Это был любимый запах девушки, и сейчас он оказался особенно чарующим, что заставило её вдыхать воздух более жадно.

Драутурэ отметил эту мелочь, и попросил Мирелль не останавливаться. Он с нескрываемым интересом смотрел на девушку, а та не могла этого заметить: она не могла освободиться от желания взглянуть на Сирену, стоящую за спиной, но ей было не удобно: угол обзора был недостаточен, а лоза, приковавшая её к креслу не давала развернуться должным образом.

Влечение заметила и сама Сирена, обходя кресло и предоставляя возможность Лорелей взглянуть на неё.

Какая красивая...

Девушка и раньше успела отметить красоту Мирелль, вот только сейчас в этой красоте скрывалось что-то, что не позволяло отвести от неё взгляд. Её внешность казалась одновременно чарующей и отталкивающей. Очаровательная красота Сирены была одновременно ужасной. Она вызывала зависть. Её бедра были слишком идеальны, талия слишком узкой, грудь — слишком упругой. Лорелей отличалась красотой своей фигуры, но не была такой. Не то, чтобы это когда-то её волновало, но сейчас — да. Девушка взглянула на пухлые губы, прикусив свои. На потрясающие волосы, вспомнив о том, что её цвет волос был слишком незаметен в своей естественности. На её глаза, цвет которых превосходил даже цвет глаз Драутурэ.

— О, милая, это моя сладость, — произнесла Мирелль, — но это не всё, что я могу, — следующую фразу Лорелей услышала у себя в голове — Сирена не произносила её в самом деле.

И это было заметно по её выражению лица: девушка не сдержала шока от того, что она почувствовала в своём подсознании.

— Она слышит мою песнь, — произнесла Мирелль уже вслух, для Драутурэ.

— Заставь её заснуть, — очередная просьба, больше подходящая на приказ.

— Спи, — снова голос в подсознании, заставивший девушку в мгновение закрыть глаза и уснуть.

***

Словно выходя из кратковременного сна, не смыкая глаз при этом пару суток, Лорелей потихоньку просыпалась. Она была в огромной пустой зале, где находились несколько существ и она — на каменном стуле, снова прикованная лозой.

Как только она открыла глаза и выпрямилась, ощущая нудящее чувство в каждой мышце своего тела, существа резко отвлеклись от разговора и обратили своё внимание на девушку.

Первой, кого увидела Лорелей, стала Сирена. Её красота была такой же пленительной, и несмотря на то, что она стояла далеко, девушка по-прежнему приглушённо ощущала её запах.

Но её сознание сумели перетянуть и другие существа. Рядом с Сиреной стояли мужчина с белоснежной кожей, одетый во что-то из ушедших эпох, некое истощённое, полуголое, уродли-

вое существо, постоянно вытирающее рот ладонью: с его рта капала чёрная слюна, бестелесный длинный плащ с капюшоном — больше ничего под ним Лорелей разглядеть не смогла, высокая девушка в развратном латексном костюме, едва прикрывающем внушительную грудь и обтягивающее её бедра, девушка в истлевшем платье и чёрными, свисающими, будто бы восковыми волосами, парящий в воздухе мужчина, с такими же тёмными длинными волосами. На нём было белое кимоно с красными иероглифами, значение которых Лорелей было не известно. За ними всеми прятался кто-то ещё, но девушка не могла разглядеть, кто это.

— Давайте уже придём к общему решению, — голос, ледяной как сталь резанул воздух. Женщина в латексе быстрой походкой, покакая высокими каблуками, подошла к Лорелей.

Сдержанность и непоколебимость даже не думали сейчас выручать Лорелей. Она была до ужаса напугана, не понимала, что её ждёт и кто все эти существа.

— Мы ещё не решили, — строго напомнил женщине Драутурэ.

Но Эльф её действий не остановил, лишь наблюдал. Женщина взяла лицо Лорелей стройными пальцами с длинными, острыми ноготками, заставила повернуть голову сначала вправо, потом влево, будто оценивая товар.

— Она такая сладенькая, я хочу её, — женщина буквально скулила, выпрашивая.

— Нет, — снова озвучил Эльф.

Женщина наклонилась к лицу Лорелей и провела языком от нижней челюсти до самого виска, оставляя неприятный влажный след на её коже.

От безразличия, девушка поморщилась, но ничего говорить или делать не стала.

— Почему «нет»? — спросила женщина, озвучивая свой вопрос так громко, что звук её голоса бился о стены и возвращался назад эхом.

Её вопрос проигнорировали и, кажется, стали обсуждать что-то между собой. Лорелей не слышала — разговор был слишком тихий, и её сознание было заполнено страхом перед стоящим около неё существом.

Женщина обошла её сзади, собрала волосы Лорелей, будто собираясь заплести ей высокий хвост, и тут же намотала их на кулак, больно сжимая и принуждая девушку запрокинуть голову.

— Вот увидишь, я ещё проверю, насколько ты послушная, — женщина наклонилась и произнесла это у самого уха Лорелей, обжигая рану горячим дыханием. Напоследок, она влажно чмокнула её в щёку, сбросила её волосы, ослабив хватку, и вернулась назад к другим существам, покачивая бедрами.

У Лорелей кружилась голова и темнело в глазах. Она была удивлена собственной пассивностью. Совершенно точно ей не занимать в умении держаться стойко, когда того требует ситуация, но сейчас она скорее пребывала в состоянии абсолютного бессилия.

Это не я. Кто-то из них делает это.

Девушка пыталась рассмотреть существ, обсуждающих что-то, стоя на другом конце зала, пыталась найти источник своей пассивности.

Источником был Эхо — она этого не понимала, и лишь корила себя за вопросы, проносящиеся в её голове, хотя это были не её вопросы, а воздействие существа.

Зачем что-то говорить, если мои слова уже были проигнорированы? Зачем действовать, если мне это не поможет? Зачем сопротивляться, если мою судьбу уже решили за меня?

— Что ж, решено, — громко объявил Драутурэ, — наша маленькая гостья отправляется в Ээрос, — девушка вспомнила, что про эту территорию ей что-то рассказывала Флёрени, но что именно вспомнить не удавалось.

Послышался недовольный вздох Мирелль, а за ним ещё более недовольный стон женщины в латексе. Остальные были не так разочарованы выбором.

Драутурэ подошёл вплотную к Лорелей, наклонился к её лицу и упёрся рукой в спинку стула.

— Хочешь знать, что с тобой будет дальше? — девушка молчала, глядя на Эльфа исподлобья, — мы сотрём тебе память и отправим к Альпам. Ты не будешь помнить ничего из своей прошлой жизни, оттого пребывание там тебе покажется особо... Интересным, — ничего от знакомого Драутурэ в Эльфе не осталось. От него веяло холодом и расчётливостью, Лорелей ощущала гнев даже сквозь гнетущее бессилие, создаваемое другим существом, — а вот то, что он с тобой сделает, будет для тебя особым сюрпризом. Нам нужна информация, хранимая в твоей голове, которую ты упорно скрываешь. Не хочешь говорить — захочешь позже.

— Что скажешь? — Эльф мерзко улыбнулся и Лорелей не выдержала — она спешно собрала слюну и плюнула ему в лицо.

Драутурэ брезгливо вытер лицо рукавом, медленно поднялся и отошёл.

— Почему мы оставили ей ту часть, что блокирует наши способности? — уточнила Мирелль.

— О! — выдохнул Эльф с нескрываемым восторгом, будто Драутурэ ждал этот вопрос, — Мы ведь оставили лишь небольшой кусочек. Он всё ещё пассивно защищает её. Но железка блокирует только часть ментальных атак. Я не хочу, чтобы её просто склонили к самоубийству. Я хочу, чтобы она ещё могла испытывать желание и возможность сопротивляться, пока не сломается. Давайте начнём. Мирелль, заставь её уснуть, пожалуйста, — Лорелей удивилась его реакции, но не успела удержаться за мысль — в её сознании зазвучал голос Сирены, вынуждающей спать.

Она снова провалилась в сон.

Глава 2. Цитадель сна

Лорелей пришла в себя от холода. Он пробирался не снаружи, а изнутри, словно ледяная вода медленно заполняла пустоту между рёбрами, вытесняя последние остатки тепла. Она лежала на жёстком, скрипучем матрасе в маленькой комнате, стены которой дали глубокие трещины, и из них сквозило тонкой, назойливой струёй воздуха. Сознание возвращалось не рывком, а тяжёлой, вязкой волной, оставляя после себя туманную головную боль и странную, почти физическую слабость в конечностях, будто она пробежала марафон во сне.

Она попыталась приподняться, и в этот момент рука сама, почти рефлекторно, легла ладонью на низ живота. Движение было естественным, почти неосознанным, словно тело искало точку опоры в этом неустойчивом, размытом мире. Она задержала дыхание, прислушиваясь к себе. В животе ныло едва уловимо, тягуче, но не от боли. Скорее от внутренней перестройки, которую она по привычке списала на стресс, на непривычную эльфийскую пищу, на долгий переход через миры. Она отмахнулась от ощущения, как от надоедливой мухи, и обвела взглядом помещение.

Комната напоминала брошенную коробку. Скрипучая кровать, деревянный столик с шатающейся ножкой, у стены — ржавая раковина с кривым краном, на полу — пыльный ковёр, впитавший в себя годы безучастного покоя. Ни зеркал, ни личных вещей. Только серый, статичный свет, льющийся сквозь узкое окно без стёкол. Не было ни дня, ни ночи. Лишь бесконечное, застывшее «сейчас».

Лорелей встала. Колени подкосились от непривычной тяжести в теле, но она удержала равновесие, оперевшись о косяк двери. За ней оказалась тропинка, ведущая к мосту. Мост уходил в никуда, теряясь в песочно-пыльной мгле под свинцовым, низким небом. Она обошла дом, осмотрелась. Ничего. Только мост, дом-коробка и горизонт, затянутый вечной пеленой. Воздух пах старой бумагой, пылью и чем-то сладковато-тленным, как увядшие цветы на забытом кладбище. От этого запаха в горле возникло лёгкое, но настойчивое першение, а во рту остался привкус металла, будто она только что лизнула старую монету. Она сглотнула, отгоняя дискомфорт.

Стоять было невыносимо. Не от страха, а от нарастающей, всепоглощающей усталости. Каждая мысль требовала усилий, каждое движение отзывалось в мышцах глухим сопротивлением. Веки наливались свинцом, дыхание становилось поверхностным. Мост манил пройти по нему, но от одного взгляда на прогнившие доски её клонило в сон. Она вернулась в дом, села на кровать, укрылась ветошью, напоминающей когда-то одеяло. Вопросы лезли в голову: где я? кто я? зачем? Но они тут же растворялись, не находя зацепок в пустоте. Сознание скользило по гладкой, безразличной поверхности, пока не провалилось в тяжёлую, безвидную дремоту.

***

Сначала было ощущение падения в густой, вязкий туман. А потом реальность сменилась до боли знакомой обстановкой — оперативная штаб-квартира, длинный линолеумный коридор, дверь в конце. Она шла по нему, неся папку с отчётом. Она знала: от него зависит всё. Но с каждым шагом пол становился мягче, воздух гуще, шаги тяжелее. Двери не приближались. Стены медленно сдвигались. Она пыталась ускориться, но тело двигалось как в желе.

— Надо успеть, — прошептала она, но голос не родился.

Она наконец добралась до массивной дубовой двери. Ручка была холодной. Она повернула её — дверь не поддавалась. Сквозь матовое стекло виднелись тени. «Рубашка с галстуком», её босс, другие. Они разговаривали, жевали капсулы, изучали документы. Она начала стучать. Ладонью. Кулаком. Плечом.

Удары были беззвучными, будто ватными. Никто не обернулся.

Она прильнула к стеклу. И в этот момент «рубашка с галстуком» поднял голову. Его глаза были пустыми. Он смотрел сквозь неё и медленно, с абсолютным безразличием, покачал головой.

Твои действия не имеют значения. Ты не имеешь значения.

Папка выскользнула из рук. Листы превращались в пепел, не долетая до пола.

Лорелей вырвало из сна с такой силой, что она села на кровати, хватая ртом воздух. Но это был не страх. Это было ощущение тотального, выматывающего истощения. Будто она не спала, а разгружала вагоны всю ночь. Комната осталась прежней: трещины в стенах, серый свет, давящая тишина. Ничего не изменилось. И от этого становилось ещё безнадежнее.

В углу, где тени сгустились, стояла фигура. Высокая, неестественно худая, закутанная в длинный, пыльного цвета плащ, сливавшийся со стенами. Капюшон скрывал лицо, и из его глубины виднелось лишь одно — тёмный, беззубый, бесконечно зевающий рот. Он не издавал ни звука. Просто стоял и смотрел.

Первым порывом было вскочить, закричать. Но тело отказалось подчиняться. По спине пробежали мурашки — не от страха, а от странного, ледящего ощущения, будто из неё медленно вытягивают не энергию, а саму возможность желать. Мысль о сопротивлении приходила и тут же растворялась в этом вакууме.

Зачем? Он просто стоит. Борьба утомительно.

Они смотрели друг на друга. В комнате стало холоднее. Воздух приобрёл вкус старой пыли и пергамента. Она попыталась вспомнить, кто она, но имена, лица, события уплывали, как дым. Единственное, что оставалось ясным, — это всепоглощающая, сладкая и ядовитая усталость. Глаза сами собой начали закрываться.

Фигура пошевелилась. Это не был шаг. Это было плавное, почти незаметное смещение, будто её очертания расплылись и собрались снова, на полдюйма ближе. Движение было настолько медленным, что казалось игрой света. Но Лорелей это почувствовала. Ощущение опустошения усилилось. Дыхание стало поверхностным. Ей захотелось только одного — лечь, свернуться калачиком и закрыть глаза. Может, если она уснёт, этот зритель уйдёт.

Она медленно откинулась на подушку, не сводя с него глаз. Веки смыкались против воли. Последнее, что она увидела, — как фигура в плаще, не сделав ни шага, стала чуть более чёткой. Она не уходила. Она начинала свой дозор.

***

Сон был прерывистым, серым. Обрывки лиц, незаконченные фразы, ощущение, будто она бежит по песку, который засасывает её с каждым шагом. Ни ужаса, ни паники. Лишь глубокая, безысходная тоска.

Когда она снова открыла глаза, в комнате никого не было. Альп исчез. Но ощущение его присутствия висело в воздухе, как тяжёлый, несвежий запах. И ощущение полной, выхолощенной опустошённости осталось с ней. Она провела рукой по лицу. Кожа была холодной и липкой.

Девушка хотела пить, но протянуть руку, обхватить пальцами грязную кружку, встать и налить воды из крана — всё это казалось слишком сложным. Какая разница? — прошептал в её сознании тихий, безразличный голос, который она уже не могла отличить от своего. Мост ведёт в никуда. Дом — тоже. Всё бессмысленно. Просто лежи.

Она закрыла глаза. Она не спала. Она просто существовала.

Просыпаться было больно. Не физически, а метафизически. Каждое возвращение из небытия ощущалось как насилие. Лорелей лежала на спине и смотрела в потолок. Мысль о еде вызывала лёгкую тошноту, мысль о воде — смутную обязанность. Она выполнила её, поднявшись и сделав несколько глотков прямо из крана. Потом снова рухнула на койку.

Она пыталась зацепиться за обрывки того первого кошмара — коридор, папка, пустой взгляд. Но воспоминания ускользали. Оставалось лишь тяжёлое, гулкое эхо унижения. И всё сильнее — тихий, настойчивый шёпот в самой глубине сознания, который она уже начала принимать за свои собственные мысли.

Зачем напрягаться? Никто не ждёт. Здесь, по крайней мере, тихо.

Она закрыла глаза, пытаясь отгородиться от давящего света. Сон был единственным убежищем. Даже если это убежище с призраками.

На этот раз погружение было иным. Не падением в бездну, а мягким укутыванием. Её сознание плавно перетекало, как камера, наезжающая на другую реальность.

Сначала появились запахи. Сладковатый аромат свежесрезанной травы, смешанный с дымком от камина. Пахло осенью, но тёплой, уютной, золотой. Потом — звуки. Тихий смех где-то вдалеке. Успокаивающее потрескивание поленьев. Скрип качелей на ветру.

Она стояла на пороге дома. Не коробки, а настоящего. Двухэтажного, с светящимися окнами, из которых лился тёплый, жёлтый свет, разгоняющий сумерки. Рядом рос старый, могучий дуб, и на его толстой ветви висели те самые качели.

— Мама, смотри!

Лорелей обернулась. По зелёной лужайке к ней бежала маленькая девочка, лет пяти. Тёмные, пушистые волосы, растрёпанные ветром, ярко-розовые щёки и бездонные карие глаза, сияющие восторгом. В руке она сжимала одуванчик, превратившийся в пушистый шар.

— Я его не сдувала! Держи! — девочка протянула ей цветок.

Лорелей автоматически протянула руку. Пальцы коснулись прохладного стебелька. Ощущение было настолько реальным, тактильным, живым, что у неё перехватило дыхание. Что-то тёплое и огромное подкатило к горлу. Внутри, глубоко под рёбрами, отозвалось странное, тягучее покалывание, похожее на эхо биения второго, тихого сердца. Она не обратила на это внимания, сосредоточившись на ребёнке.

— Спасибо, солнышко, — услышала она свой собственный голос, ласковый и спокойный, какой она никогда не слышала.

Она подняла взгляд. На крыльце стоял мужчина. Высокий, крепкий, в простой рабочей рубашке с закатанными рукавами. Его лицо было добрым, уставшим и счастливым. Он смотрел на них с той нежной улыбкой, которая бывает только у людей, нашедших своё место в мире.

— Ужин почти готов, — сказал он, и его голос был тёплым мёдом. — Иди мой ручки.

Девочка вихрем умчалась в дом. Мужчина подошёл к Лорелей, обнял её за плечи и мягко притянул к себе. Она уткнулась лицом в его грудь, вдыхая запах древесины, мыла и чего-то неуловимо родного. Внутри всё пело. Это было... идеально. Тишина. Покой. Семья.

Они вошли в дом. Там пахло жареной курицей, корицей и свежим хлебом. В гостиной полыхал камин, на диване лежал пёстрый вязаный плед. Всё было немного потрёпанным, жилым, настоящим. Она помогала накрывать на стол, её движения были выверенными и привычными. Девочка болтала без умолку. Мужчина подливал ей в бокал красного вина, и их пальцы ненадолго встречались.

За ужином она смеялась. Искренне, от души. Чувство вины, тревоги, долга — всё это растворилось. Её не мучили вопросы «кто я?» и «как я здесь оказалась?». Она была здесь. И это было её жизнью.

Позже, укладывая дочь спать, она читала ей сказку. Девочка заснула, сжимая её руку. Лорелей сидела рядом ещё несколько минут, глядя на её спокойное личико, и чувствовала, как её переполняет любовь. Глубокая, животная, всепоглощающая. Она спустилась вниз, к мужу. Он обнял её, и они молча смотрели на огонь. Никаких слов было не нужно. Она была дома. Она была счастлива.

Именно в этот миг абсолютной гармонии что-то дрогнуло. Как царапина на идеальной плёнке. Краем глаза она заметила тень за окном. Высокую, расплывчатую, в плаще цвета пыли. Она сидела в кресле, и её спина была к окну, но Лорелей знала — там стоял Альп. Он не вторгался. Он наблюдал. Как садовник, наблюдающий за редким, прекрасным цветком.

И вместо ужаса её охватила яростная, собственническая волна протеста. *Уходи. Это моё. Не смей губить это.*

Тень исчезла. Но зыбкое ощущение чего-то чужеродного осталось. Она прижалась к мужу сильнее.

— Что-то не так? — спросил он, чувствуя её напряжение.

— Нет, — прошептала она. — Всё прекрасно. Просто... я так боюсь это потерять.

Он поцеловал её в макушку. — Никуда мы не денемся. Я всегда с тобой.

Она хотела верить. О, как она хотела.

Пробуждение было катастрофой.

Её вырвало из объятий мужа, из тёплого света гостиной, из запаха дома и смеха дочери — и швырнуло обратно на жёсткий матрас в серую, беззвучную комнату. Она вскрикнула — коротко, глухо, как от удара ножом в живот.

Контраст был настолько чудовищным, что её сознание отказывалось принимать реальность. Она лежала, уставившись в потолок, и сквозь неё проходили судорожные волны горя. Она плакала. Тихими, безнадежными слезами, которые текли по вискам и затекали в уши. Она плакала по дому, которого у неё никогда не было. По мужу, которого никогда не встречала. По дочери, которая была лишь плодом чьего-то больного воображения.

Физическая слабость сменилась глубочайшей душевной опустошённостью. Подняться? Зачем? Чтобы снова увидеть этот мост в никуда? Чтобы помнить, что всё, что только что было её миром, — ложь?

Это не ложь, — прошептал знакомый безразличный голос в её голове. Теперь он звучал яснее. — Это возможность. Ты можешь вернуться. Просто закрой глаза. Захоти этого достаточно сильно — и ты вернёшься к ним.

И это был не просто голос. Это было обещание. Сладкое, манящее, неотразимое.

Она сжала веки, пытаясь силой воли прорваться обратно в сон. Но ничего не вышло. Она просто лежала в тишине, слыша лишь предательское биение собственного сердца. Время потеряло последние остатки смысла. Она лишь изредка вставала, чтобы попить, и её движения были механическими, лишёнными намерения. Всё её существо было настроено на одну частоту — ожидание сна.

И сон пришёл. Снова тот же плавный переход. Тот же дом. Тот же вечер. На этот раз она была на кухне, мыла посуду. Муж стоял сзади, обняв её, и что-то рассказывал. Его дыхание щекотало шею. Она смеялась.

И снова — царапина. В отражении в тёмном окне. За её спиной, в дверном проёме, стояла та самая высокая, пыльная фигура. Безликая, но ощутимо наблюдающая.

Страх вернулся, острый и холодный. Она резко обернулась. В дверях никого не было.

— Что такое? — спросил мужчина.

— Ничего... Показалось, — пробормотала она, но радость вечера была безнадежно испорчена. Теперь она знала — её рай охраняется. Нет, не охраняется. Он принадлежит им. Они позволяют ей здесь находиться. И могут в любой момент отобрать.

Она пыталась игнорировать это чувство, прижималась к мужу, вдыхала запах дочери, но тревога сидела в ней чёрной, неотступной занозой. Перед самым пробуждением голос в её голове заговорил снова. На этот раз он был не безразличным, а почти ласковым, утешающим.

Они завидуют, понимаешь? Они завидуют твоему счастью. Они хотят его разрушить. Не позволяй им. Ты — настоящая. Это — твоя реальность. А та, серая комната... это всего лишь плохой сон. Забудь её. Отдайся нам, и ты будешь всегда здесь.

Её выбросило на берег бодрствования. Она лежала, и слёз уже не было. Была лишь всепоглощающая, оглушающая тоска по тому миру. Реальность комнаты казалась блёклой, фальшивой декорацией. Дом с камином был в миллиард раз реальнее. Она посмотрела на свою руку — ту самую, что только что держала дочь. На ней не было ни следов детских пальцев, ни запаха одуванчиков. Была лишь грязь под ногтями и бледная, холодная кожа.

Настоящая жизнь — там.

Она закрыла глаза, пытаясь ухватиться за ускользающие образы. И тут она осознала самое страшное. Она боялась заснуть. Боялась, что в следующий раз её не пустят обратно. Или, что ещё хуже, пустят, но тень в плаще будет стоять уже не за окном, а прямо в гостиной, у камина, безмолвно напоминая, кто здесь хозяин.

Она оказалась в ловушке. Серый мир был тюрьмой, но мир грёз стал заложником её тюремщиков. Они больше не мучили её кошмарами. Они предлагали ей наркотик. И она уже не могла без него жить.

Снаружи, за дверью, мост по-прежнему уходил в серую мглу. Но теперь он казался ей не выходом, а угрозой. Она свернулась калачиком на койке, повернувшись лицом к стене, спиной к двери и к мосту. Её плечи слегка вздрагивали.

Она не видела, как в углу комнаты, в самой густой тени, воздух заколебался. Не видела, как материализовалась высокая фигура в плаще. На этот раз она стояла не просто как наблюдатель. Её безликий капюшон был повёрнут в сторону койки, а тёмная пасть, казалось, зевала чуть шире, поглощая не просто энергию, а саму её душу, по кусочкам, вместе с её сладкими, отравленными снами.

Битва была проиграна, даже не успев начаться. Альпы не сломали её волю. Они купили её. И платили они фальшивым золотом её самых сокровенных грёз.

Цикл повторялся. Сон-пробуждение-отчаяние. Лорелей почти перестала различать границы. Серый мир комнаты стал назойливым, но кратковременным кошмаром, который нужно было перетерпеть, чтобы вернуться домой. К дочери. К мужу. К огню в камине. Она пила машинально, лишь чтобы поддерживать тело в состоянии, способном погружаться в сны. Она уже не смотрела на мост. Мысль о нём вызывала лишь раздражение — зачем куда-то идти, когда всё, что нужно, находится здесь, стоит только закрыть глаза?

Её «настоящая» жизнь в мире грёз тоже изменилась. Тени Альпов стали неотъемлемой частью пейзажа. Высокая фигура в плаще могла стоять в конце садовой дорожки, пока дочь каталась на велосипеде. Другая — неподвижно зиять в углу гостиной, пока они с мужем смотрели фильм. Они не делали ничего. Просто присутствовали. Как стражники в её личном раю.

И её мозг, жаждущий сохранить иллюзию, начал принимать их как часть декораций. *Ну да, у нас в саду иногда стоит такой молчаливый садовник. Это нормально.*

Но плата за рай росла. Каждое пробуждение было всё более мучительным. Она просыпалась с рыданиями, с чувством, будто у неё насильно вырывают кусок души. Апатия сменилась глухой, тлеющей ненавистью к серой комнате, к койке, к своему собственному телу, которое приходилось тащить обратно в эту убогую реальность.

Однажды она вернулась из особенно яркого сна. Они с дочерью пекли печенье. Девочка вся перепачкалась в муке, смеялась, а Лорелей вытирала ей щёку, и её переполняла такая нежность, что казалось, сердце вот-вот разорвётся. И тут — резкий толчок. Жёсткий матрац. Холодный воздух. Трещина на потолке. Тишина.

Она не закричала. Не заплакала. Она лежала неподвижно, и внутри неё что-то сломалось. Какая-то тончайшая нить терпения лопнула. Вместо отчаяния её заполнила густая, чёрная, беззвучная ярость. Ярость на этот мир. На Альпов. На себя саму за свою слабость.

Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль была острой, реальной. И от этого ненависть стала ещё острее. *Нет. Хватит.*

Это была не мысль, а инстинктивный рык её измученной души. Она поднялась с койки. Мышцы протестовали, тело привыкло к пассивности. Но сейчас им приказала двигаться не воля, а слепая ярость. Она подошла к двери и распахнула её. Мост. Все тот же. Ведущий в никуда. Серый горизонт.

Иди к чёрту, — подумала она, глядя на него. Ей было всё равно, куда он ведёт. Ей нужно было делать что-то. Что угодно. Разрушать. Кричать. Двигаться.

Она сделала шаг вперёд. И тут же почувствовала сопротивление. Не физическое, а ментальное. Тяжёлая, невидимая стена давила на лоб, на глаза, внутрь черепа. Знакомый голос, ставший уже частью её сознания, зашептал с примесью паники: *Куда ты? Там ничего нет. Вернись. Ляг. Засни. Дочь ждёт тебя. Она плачет, что мамы нет рядом.*

Образ заплаканной дочери на мгновение ослабил её. Рука, державшаяся за косяк двери, дрогнула. *Это неправда. Её не существует,* — попыталась она убедить себя. *Она реальнее, чем эта дыра!* — настаивал голос. *Ты хочешь бросить её? Ты — плохая мать. Ты не заслуживаешь её любви.*

Чувство вины, острое и отравленное, вонзилось в неё. Она зажмурилась, пытаясь отогнать наваждение. Ей нужно было сосредоточиться на гнев. Только гнев мог спасти её сейчас. Она вспомнила лицо «рубашки с галстуком». Его мерзкую ухмылку. Унизительный досмотр. Боль от инъекции. Всё, что было ДО. Всё, что было реальным, пусть и ужасным.

Я — не мать. Я — Агент, — прошипела она про себя, делая ещё один шаг, на этот раз на сам мост.

Давление усилилось. В воздухе запахло статическим электричеством и пылью. И тогда она его увидела. Не тень на краю зрения, а прямо перед собой. Из серой мглы в центре моста медленно, как под водой, всплыла фигура в плаще. Капюшон был направлен на неё. Бесконечно зевающая тёмная пасть казалась входом в ничто. Он не угрожал. Он просто блокировал путь. Его присутствие было воплощённым «нет».

Лорелей застыла, сжимая кулаки. Ярость бушевала в ней, борясь с парализующим страхом и остатками апатии. Она чувствовала, как её воля снова начинает растекаться. *Вернись в дом,* — настойчивее зашептал голос. — *Там тепло. Там тебя любят. Здесь только холод и мы. Мы всегда будем с тобой.*

Убирайся из моей головы! — хрипло крикнула она вслух. Её собственный голос, грубый и неиспользуемый, прозвучал чуждо и громко в давящей тишине. Альп не шелохнулся. Но Лорелей почувствовала, как её ноги становятся ватными. Мысль развернуться и побрести обратно к койке становилась всё соблазнительнее. Всего несколько шагов — и можно снова заснуть. Снова обнять дочь...

Нет. Она снова вспомнила боль. Не эмоциональную, а физическую. Агонию в кресле. Ожог препарата в венах. Ремни, врезающиеся в запястья. Это было ужасно. Но это было ЧЕСТНО. Это не была сладкая ложь. Это была правда. И её ярость, наконец, нашла точку приложения. Не на Альпа, не на мост, а на саму себя. За свою слабость. За то, что позволила им себя купить.

Собрав всю свою злость, всё своё отчаяние, всё, что осталось от её воли, в один плотный комок, она плюнула в сторону Альпа. Слюна, серая и невыразительная, не долетела до него и растворилась в воздухе. Но жест был сделан. Вызов брошен.

Она сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Каждый шаг давался с нечеловеческим усилием, будто она шла против ураганного ветра. Она приближалась к неподвижной фигуре. *Остановись. Ты разрушаешь всё. Ты никогда больше не увидишь её. Ты умрёшь здесь в одиночестве,* — голос в её голове визжал теперь, теряя свою безразличную маску. *Не правда!* — проревела она, делая последний рывок.

Она прошла сквозь Альпа. Не обошла его — а именно прошла сквозь. Не было ни столкновения, ни сопротивления. Было лишь леденящее ощущение пустоты, будто она на миг шагнула в открытый космос. Её тело пронзила волна тошноты и головокружения. Фигура Альпа расплылась, как дым от сигареты, рассеялась и исчезла. Давление ослабло.

Она стояла на мосту, тяжело дыша, дрожа всем телом. Она сделала это. Она не поддалась. И тут же, как награда, в её сознании, будто вспышка молнии, возник образ. Чёткий, ясный, болезненный. Она прикована к холодному креслу. Её тело выкручивает судорогой, прожигает изнутри. Сквозь пелену боли она видит лицо «рубашки с галстуком». Он смотрит на неё с холодным, научным интересом. Его губы шевелятся: «...примерно через пятьдесят-пятьдесят пять минут...» Ярость. Чистая, неразбавленная ярость. Желание взять медицинские щипцы и вонзить ему в глаз. Воспоминание было таким ярким, таким реальным, что она почувствовала во рту вкус крови — она тогда прикусила щёку, чтобы не кричать. Она снова ощутила жгучую ненависть к тому человеку, к системе, ко всему, что с ней сделали.

Это воспоминание не было сладким. Оно было уродливым и жестоким. Но оно было её. Частью её истории. Частью её борьбы.

Она обернулась и посмотрела на домик-коробку. Теперь он казался ей не убежищем, а клеткой. Красивой, соблазнительной, но клеткой. *Вернись...* — всё ещё слабо шептал голос, но теперь в нём слышалась лишь бессильная злоба. *Нет,* — твёрдо сказала она вслух, поворачиваясь спиной к дому и лицом к туманному концу моста. — *Я не мать. И это не мой дом.*

Она не знала, что ждёт её впереди. Но она знала, что назад дороги нет. Девушка двинулась вперёд. С каждым шагом туман у конца моста становился чуть менее густым. Она начала различать очертания. Неясные, размытые, но это были не просто клубящиеся массы. Это были... структуры. Башни? Стены? Что-то огромное и мёртвое. И с каждым шагом воспоминания накатывали на неё, как прилив. Обрывочные, но мощные.

В голове прозвучал строгий голос инструктора: «Слабость — это выбор! Встать!» Холодный металл пистолета в руке. Запах пота и пороха на стрельбище. Лицо её босса, впервые проявившее нечто, похожее на одобрение. И снова — боль. Десятки разных видов боли, физической и душевной, которые закалили её, как сталь. Она не вспоминала всё сразу и в правильном порядке. Она вспоминала ощущения. Ощущение силы. Ощущение контроля. Ощущение воли.

Лорелей шла, и её походка менялась. Из шаркающей и неуверенной она становилась твёрдой, решительной. Плечи расправились. Спина выпрямилась. Она больше не была матерью из сна. Она снова становилась Агентом. Пусть без памяти, но с костяком, который не могли размягчить никакие иллюзии.

Внезапно мост закончился. Она ступила на твёрдую, каменистую почву. Туман рассеялся, и она увидела, куда привела её дорога. Это была пустошь. Бесплодная равнина, усеянная серыми камнями. А вдалеке высилась та самая Цитадель Сна, Ээрос. Но теперь она видела её

не как желанное убежище, а как крепость. Мрачную, готическую, со стенами, которые, казалось, были сложены из спрессованной тоски. Окна были слепы, а шпили упирались в вечно серое небо. От неё веяло не покоем, а забвением.

И она поняла. Весь этот мир — мост, домик, пустошь — всё это было частью Цитадели. Вся эта иллюзия была создана, чтобы удержать её здесь, не дать ей добраться до настоящего сердца их власти. Она стояла и смотрела на крепость, и её ярость не утихала. Она трансформировалась. Из слепого гнева она превращалась в холодную, целеустремлённую решимость. *Хорошо*, — подумала она. — *Вы хотели сломать меня снами. Вы не смогли. Что вы попытаете теперь?*

Она была готова. Впервые за долгое время она была по-настоящему готова к борьбе. Она не знала, сколько времени провела в созерцании крепости. Но её размышления были прерваны странным ощущением. Воздух позади неё сгустился, наполнился статикой. Она медленно обернулась. Мост, по которому она пришла, начал меняться. Его очертания поплыли, стали прозрачными. Серый свет, исходивший от него, мерцал, как умирающая лампочка. А сам домик-коробка вдали начал рассыпаться. Не рушиться, а именно рассыпаться, как картинка на песке, которую смывает волной. Иллюзия, державшая её в плену, распадалась за ненадобностью. Она прошла испытание. Она отвергла искушение. И теперь декорации были не нужны.

Она наблюдала, как исчезает мост, как тает в воздухе её «убежище». И в этот момент последние остатки той слабой, запуганной женщины, которой она позволяла быть, испарились. Она осталась одна. На пустоши. Перед крепостью. И это её не пугало. Это её закаляло. Она повернулась спиной к тому месту, где был мост, и снова посмотрела на Цитадель. Её глаза, ещё недавно потухшие и полные слёз, теперь горели холодным, стальным огнём. *Что дальше?* — бросила она вызов тишине, зная, что её услышат.

Ответа не последовало. Лишь ветер, которого раньше не было, поднялся на пустоши, завывая в такт её ярости. Он нёс на себе песок и пыль — прах её снов. Лорелей сделала шаг вперёд, по направлению к Цитадели. Она не знала, что её ждёт внутри. Но она знала одно: чтобы выжить, чтобы победить, ей придётся разобрать эту крепость по камешку. И она была готова начать.

Её рука непроизвольно потянулась к ране за ухом. Она коснулась запёкшейся крови и воспалённой кожи. Боль была острой, но теперь она была желанной. Это была боль реальности. И она была её единственным компасом в этом мире лжи.

Первый шаг по каменистой пустоши отозвался в её теле эхом мышечной боли. Казалось, сам воздух здесь был гуще, тяжелее, сопротивлялся каждому движению. Но это уже не было той парализующей апатией, что сковывала её в комнате. Это было физическое испытание, и с ним она знала как бороться. Она шла, глядя на шпили Цитадели, возвышавшиеся над горизонтом. Расстояние было обманчивым — крепость то казалась близкой, то отдалялась, словно мираж. Лорелей не сомневалась, что это тоже часть их игры. Она просто продолжала идти, сосредоточившись на ритме шагов. *Левой. Правой. Левой. Правой.* Как на плацу много лет назад.

Внезапно её взгляд упал на камень у дороги — не острый обломок, а гладкий, округлый булыжник. Рука сама потянулась к нему. Девушка подняла его, ощутив прохладу и шероховатость поверхности. Вес в ладони был до странности успокаивающим. Это был простой, реальный объект. Не сон. Не иллюзия. Камень. Она сжала его в кулаке и двинулась дальше, теперь с этим примитивным якорем реальности.

Ночь на пустоши не наступала. Серое свечение неба лишь немного меркло, превращаясь в угрюмые сумерки. Лорелей поняла, что ей нужен отдых. Но мысль лечь на холодную землю и закрыть глаза вызвала животный ужас. Сон был врагом. Она нашла небольшое углубление между двумя валунами, села, прислонившись спиной к камню, и положила свой булыжник на колени. Она не позволит себе уснуть. Она будет бодрствовать.

Это оказалось самой сложной задачей. Усталость накатывала волнами, тяжёлыми и неумолимыми. Веки слипались, сознание затуманивалось. Каждый раз, когда она начинала проваливаться в дремоту, её выдергивало обратно воспоминание о сладком сне, о доме, о дочери. Не как о желанной цели, а как о ловушке. Она боролась с собой. Вставала, делала простейшие упражнения — приседания, отжимания. Мускулы горели, протестуя против непривычной нагрузки после дней неподвижности. Но боль была благом. Она поддерживала её в реальности.

Однажды, выполняя очередной подход отжиманий, она услышала тихий, плачущий звук. Она замерла. — Мама? Голосок был тонким, испуганным. Голосок дочери. Лорелей медленно подняла голову. В нескольких метрах от неё, в сумерках, стояла девочка. В том же платье, с растрёпанными волосами. Она плакала, вытирая слёзы грязным кулачком. — Мама, я заблудилась... Мне страшно.

Лорелей сжала камень в руке так, что кости затрещали. *Это не настоящая. Это не настоящая.* — Подойди ко мне, солнышко, я тебя обниму, — сказала она, и голос её был чужим и холодным. Девочка сделала робкий шаг вперёд. И ещё один. Её фигура слегка мерцала, как плохая голограмма. *Она не отбрасывает тени.* — Почему ты не идёшь, мама? Ты же меня любишь? — голосок дрожал. Лорелей поднялась во весь рост. Она посмотрела на призрак своей мечты, и в её глазах не было ни нежности, ни жалости. Только ледяная ярость. — Я тебя не знаю, — произнесла она чётко. Иллюзия дрогнула. Лицо девочки исказилось, на мгновение став пустым, безликим пятном. Затем образ восстановился, но в глазах дочери появилось что-то чужеродное, старое и злое. — Ты плохая мать, — прошипел уже не детский голос. — Возможно, — согласилась Лорелей. — Но я жива. Она разжала пальцы, и камень с глухим стуком упал на землю. Она в него больше не нуждалась. Затем она развернулась и продолжила свой путь, не оглядываясь на плачущий призрак. Через несколько шагов звук плача исчез, растворившись в завывании ветра.

Она выиграла эту схватку. Но знала — это только начало.

Следующей атакой стал не звук, а запах. Её преследовал аромат свежее испечённого хлеба и жареного мяса — тот самый, что был на её иллюзорных ужинах с мужем. Запах был настолько реальным, что у неё засосало под ложечкой от голода. Она чувствовала его часами, он манил, дразнил, обещая покой и сытость. Она шла, стиснув зубы, глотая слюну. Она пыталась вспомнить другие запахи — запах пороха, металла, пота, больничного антисептика. Всё, что было связано с её реальной жизнью. Это помогало, но ненадолго.

Потом пришли воспоминания. Но не её. В её сознании всплывали обрывки чужих жизней. Старик, умирающий в одиночестве в богадельне. Художник, осознающий, что его талант иссяк. Мать, теряющая ребёнка. Каждое воспоминание было заряжено таким отчаянием, такой безысходностью, что её собственная воля начинала трещать по швам. Она чувствовала их боль как свою собственную. *Смотри,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.